ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ НАУКИ

МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА.

Графа Л. Камаровскаго.

Профессора Императорскаго Московскаго Университета.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1892.

Пров. 1959

Извлечено изъ VIII выпуска Ученыхъ Записокъ Императорскаго Московскаго Университета по Юридическому отдѣлу.

Библиотека ООН
329
37

Основные вопросы науки Международнаго Права.

I.

Опредѣленіе Международнаго Права.

Почти всѣ писатели даютъ свое опредѣленіе Международному Праву. Мы остановимся только на нѣкоторыхъ новѣйшихъ изъ нихъ и изъ анализа данныхъ ими опредѣленій [1]) увидимъ, что они, расходясь въ подробностяхъ, имѣютъ однако много между собою общаго.

Наиболѣе краткое опредѣленіе находимъ мы у американскаго писателя *Галлека* [2]): «международное право содержитъ правила, управляющія отношеніями государствъ».

Будучи краткимъ, это опредѣленіе страдаетъ неточностью и неполнотою. Какими отношеніями управляетъ международное право? Въ опредѣленіи ничего объ этомъ не говорится. Кромѣ того, новѣйшее международное право не ограничивается регулированіемъ отношеній только между государствами: эти отношенія стоятъ для него, правда, на первомъ планѣ, но ими не исчерпывается все его содержаніе.

Гольцендорфъ разумѣетъ подъ международнымъ правомъ «правила и нормы, устанавливающія юридическія обязанности независимыхъ государствъ въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ». Это опредѣленіе хотя и болѣе точно, чѣмъ опредѣленіе Галлека, однако не совсѣмъ полно. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ государствъ независимыхъ

---

[1]) Ихъ приводятъ въ большомъ числѣ *Кальво*. (Droit international théorique et pratique) и *Прадье-Фодере* (Traité de Droit international).

[2]) *Halleck*. International Law.

существуютъ еще государства зависимыя, не вполнѣ самостоятельныя. Развѣ на нихъ не простирается международное право? Приведенное опредѣленіе Гольцендорфъ даетъ въ вышедшей подъ его редакціей «Юридической Энциклопедіи» [3]); въ изданномъ же имъ также: Handbuch des Volkerrechts онъ нѣсколько его видоизмѣняетъ, признавая международными тѣ «нормы, которыя опредѣляютъ и осуществляютъ взаимныя юридическія обязанности и требованія государствъ независимыхъ, но поддерживающихъ между собою сношенія».

По словамъ южно-американскаго юриста *Кальво* [4]) «международное право обозначаетъ соединеніе правилъ, которыя соблюдаютъ различные народы въ своихъ сношеніяхъ, или, говоря иначе, это есть совокупность взаимныхъ обязанностей государствъ, т.-е. тѣхъ правъ, которыя они должны защищать предъ другими и тѣхъ обязательствъ, которыя они должны выполнять другъ предъ другомъ». Недостатокъ этого опредѣленія тотъ, что оно очень длинно и ограничивается только указаніемъ на одни государства.

Блюнчли, въ своемъ кодексѣ, дѣлаетъ слѣдующее опредѣленіе: «международное право есть такой признанный міровой порядокъ (Weltordnung), который связываетъ въ одинъ обще-человѣческій, юридическій союзъ (Rechtsgenossenschaft) различныя государства и охраняетъ обще-человѣческія права ихъ подданныхъ».

Въ этомъ опредѣленіи Блюнчли отправляется отъ идеальнаго представленія о международномъ правѣ: до сихъ поръ оно не можетъ быть названо всемірнымъ, въ смыслѣ положительнаго права, связываетъ народы Европы и Америки и только частично прилагается къ государствамъ другихъ частей свѣта. Слѣдовательно только въ идеѣ опредѣленіе Блюнчли можетъ быть признано вѣрнымъ.

Прадье-Фодере [5]) говоритъ: «предметъ науки международнаго права двоякій: во-первыхъ, она изыскиваетъ, въ теоріи, тѣ начала, которыя должны управлять отношеніями между государствами для ихъ наибольшаго блага (droit international idéal, или type); во-

---

[3]) Въ статьѣ своей. Das europaische Volkerrecht.
[4]) Въ назв. соч.
[5]) Назв. соч.

вторыхъ, она констатируетъ тѣ правила, которыя въ дѣйствительности допускаются и соблюдаются государствами въ ихъ обоюдныхъ сношеніяхъ (droit international réel, pratique)». Такой дуализмъ въ наукѣ едва ли допустимъ. Если люди практическіе бываютъ вынуждены дѣлать различіе между идеаломъ и дѣйствительностію, то въ области науки этому различію нѣтъ мѣста: здѣсь должно соединять практическое съ идеальнымъ. Реальное должно все болѣе и болѣе приближаться къ идеалу и съ нимъ сообразоваться, идеальное же должно постоянно воплощаться въ явленіяхъ дѣйствительности и ее облагораживать.

Разобранныя нами доселѣ опредѣленія грѣшатъ особенно тѣмъ, что они недостаточно выдвигаютъ *юридическій* характеръ международныхъ нормъ. Это дѣлаютъ болѣе или менѣе удачно: Бульмерингъ, Гарейсъ и Фіоре.

По *Бульмерингу* [1]) «международное право обозначаетъ совокупность слагающихся юридическихъ нормъ и институтовъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія между государствами». Недостатокъ этого опредѣленія представляется намъ въ томъ, что Бульмерингъ говоритъ лишь объ отношеніяхъ между государствами, хотя международное право призвано также давать защиту и отношеніямъ между ихъ подданными. Болѣе того: оно охраняетъ человѣка, какъ такового, въ силу одной его человѣческой личности и природы. Это безспорно важная сторона нашего предмета, заслуживающая въ наше время даже выдѣленія ея въ самостоятельный отдѣлъ изъ всей системы нашей науки.

Мысли *Гарейса* [2]) интересны въ томъ отношеніи, что онъ стоитъ на почвѣ новѣйшаго ученія о правѣ. Международное право, читаемъ мы у него, есть совокупность нормъ, которыми признаются и регулируются общіе интересы государствъ, чрезъ это превращаясь въ объекты общей юридической защиты. Это есть, другими словами, основанный на разумной необходимости, порядокъ сношеній между государствами. Онъ возвышается *надъ* ними и возлагаетъ на нихъ извѣстныя права и юридическія обязанности, требуемыя общностью ихъ интересовъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ под-

[1]) Volkerrecht.

[2]) Institutionen des Volkerrechts.

черкиваетъ, что охрана мира въ сожитіи людей (Friedensordnung) именно и называется правомъ, имѣющимъ главною своею цѣлію защиту интересовъ. Для этого оно разграничиваетъ и частію ограничиваетъ сферу проявленія воли отдѣльныхъ лицъ, будь то физическихъ, или юридическихъ. То же самое дѣлаетъ и право международное, во имя общаго интереса всѣхъ государствъ, проводя границы между ихъ отдѣльными, частными интересами и оберегая миръ.

Ривье [1]) видитъ въ международномъ правѣ «соединеніе юридическихъ нормъ, управляющихъ взаимными юридическими сношеніями государствъ (народовъ, націй)». На это замѣтимъ, что международное право регулируетъ не одни юридическія сношенія государствъ, но и политическія и экономическія. Затѣмъ упускается изъ виду, что оно разсматриваетъ государства не отдѣльно взятыя, а въ ихъ качествѣ членовъ того высшаго цѣлаго, которое называется международнымъ союзомъ.

На эту сторону дѣла и указываетъ *Фіоре* [2]), называющій международнымъ правомъ «тѣ юридическія нормы, которыя опредѣляютъ права и обязанности всѣхъ лицъ, входящихъ въ составъ международнаго союза».

Переходя къ русскимъ писателямъ, остановимся на мысляхъ *Каченовскаго* [3]), *Мартенса* [4]) и *Коркунова* [5]).

«Международное право, говоритъ покойный харьковскій профессоръ, обнимаетъ внѣшнюю жизнь самостоятельныхъ государствъ, или юридическія отношенія ихъ между собою. Цѣль его состоитъ въ томъ, чтобы обезпечить порядокъ и спокойствіе на землѣ, поддержать всемірно—гражданскій оборотъ, защитить личность за предѣлами отечества и такимъ образомъ способствовать развитію гражданственности».

Подъ международнымъ правомъ петербургскій профессоръ Мартенсъ разумѣетъ: «совокупность юридическихъ нормъ, опредѣляющихъ условія достиженія народами своихъ жизненныхъ

---

[1]) Lehrbuch des Volkerrechts.

[2]) Ordinamento giuridico della Società degli Stati.

[3]) Курсъ межд. права.

[4]) Современное межд. право.

[5]) Международное право и его система (въ Юрид. Лѣтописи, 1891. Окт.).

цѣлей въ сферѣ взаимныхъ ихъ отношеній. Особенность этого опредѣленія та, что г. Мартенсъ ставитъ на первый планъ тѣ жизненныя отношенія, или цѣли, ради которыхъ народы признаютъ въ своихъ сношеніяхъ извѣстныя юридическія нормы. Но какъ у Бульмеринга здѣсь ничего не говорится о частныхъ лицахъ и, слѣдовательно это опредѣленіе касается только того, что можетъ быть названо публичнымъ международнымъ правомъ [1]). Оригинальное опредѣленіе даетъ г. *Коркунов*ъ: онъ видитъ въ наукѣ международнаго права «ученіе объ осложненной формѣ охраны юридическихъ отношеній совмѣстною дѣятельностью нѣсколькихъ государственныхъ властей». Говоря короче «науку международнаго права можно опредѣлить какъ ученіе о международной охранѣ права».

Авторъ не скрываетъ коренной особенности своего воззрѣнія: международное право, лишаясь матеріальнаго содержанія и независимости, превращается у него въ особую отрасль лишь права

---

[1]) Для обозначенія нашего предмета прежде употреблялся невѣрный и сбивчивый терминъ: *„народное право“*—что, въ сущности, должно обозначать лишь право „національное“, принадлежащее одному какому либо народу. Нѣкоторые замѣняютъ эпитетъ „международный“ словомъ *„междугосударственный“* (Незабитовскій, Ренненкампфъ). Мы предпочитаемъ установившееся нынѣ обозначеніе нашего предмета правомъ *международнымъ*, потому что оно вѣрно указываетъ на *народы* какъ на тѣ живыя личности, которыя воплощаются въ *государствахъ* и чрезъ нихъ посредство дѣйствуютъ въ исторіи.

Невѣрно называли прежде на Западѣ, да и теперь называютъ иногда, международное право *„внѣшнимъ государственнымъ правомъ“*. Напр., такъ дѣлаетъ Гегель, называя его äusseres Staatsrecht въ своей философіи права; у французовъ: droit public externe. Эта терминологія какъ бы принципіально сливаетъ международное право съ государственнымъ. Французы называютъ международное право Droit des Gens, или, „Droit international“; англичане: Law of Nations, или, „international Law“; нѣмцы—Volkerrecht; итальянцы· Diritto internazionale. Введеніе термина „International law“ или Droit international приписываютъ Бентаму (1789); ранѣе его Зечъ (или Zouchaus, англійскій писатель XVII в.) назвалъ международное право: Jus inter gentes, отмѣнивъ употреблявшійся до него древне-римскій терминъ Jus gentium; но послѣднее никакъ нельзя смѣшивать съ правомъ международнымъ. Jus gentium обозначало, какъ извѣстно, часть римскаго гражданскаго права, которая, по своему космополитическому характеру противополагалась Jus civile и дѣйствовало оно лишь въ предѣлахъ римскаго государства. Международное же право возникаетъ изъ отношеній различныхъ государствъ и по существу своему носитъ обще-человѣческій характеръ Поэтому по идеѣ, Jus gentium скорѣе можно сравнивать съ нашимъ частнымъ международнымъ правомъ, и то не безъ оговорокъ.

формальнаго. Защита, имъ даваемая, есть добавочная или, какъ выражается г. Коркуновъ, осложненная. Но несостоятельность этой теоріи бросается въ глаза: формальная сторона во всякомъ правѣ, и въ международномъ, есть только часть, и даже не главная, всей юридической системы, которая безъ матеріальнаго содержанія, безъ особыхъ ей свойственныхъ нормъ, перестаетъ быть системою права. Поэтому, въ сущности, теорія г. Коркунова, равняется своего рода отрицанію доброй половины той науки, которую онъ пытается перестроить на недостаточномъ основаніи и со многими ошибками въ деталяхъ.

Подъ международнымъ правомъ слѣдуетъ разумѣть совокупность нормъ, обязательныхъ для государствъ и для ихъ подданныхъ, въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу и вообще къ остальнымъ людямъ, въ качествѣ пока членовъ Международнаго Союза, но, говоря шире, всего человѣчества.

Разберемъ нѣсколько это опредѣленіе.

Международное право слагается изъ нормъ *обязательныхъ*. Это значитъ, что нормы его, по существу своему, не суть принципы только нравственные, или правила политики, а суть именно *нормы юридическія*, т. е. охраняемыя правомъ, въ крайнихъ случаяхъ, даже *принудительно*. Принадлежность ихъ къ *праву* обусловливается ихъ природою и назначеніемъ: право вообще предметомъ своимъ имѣетъ охрану совмѣстнаго сожитія людей въ обществѣ. Различнымъ областямъ этого сожитія соотвѣтствуютъ и различныя области права; спеціально же международное право изучаетъ высшую и завершительную форму сожитія людей на землѣ—въ тѣхъ союзахъ, которые называются государствами. Вотъ почему оно относится къ сферѣ *публичнаго* права, имѣющаго своимъ исходнымъ пунктомъ и центромъ—государство,—но составляетъ обширную его и *самостоятельную* часть, въ противоположность праву государственному. Эта принципіальная самостоятельность международнаго права вытекаетъ изъ того, что оно изучаетъ государства не въ ихъ *отдѣльности* и взаимной изолированности, а такъ сказать въ ихъ *совокупности*: оно смотритъ на нихъ, въ свою очередь, какъ на членовъ новаго, высшаго цѣлаго, называемаго обществомъ народовъ, международнымъ союзомъ, семьей народовъ и т. д. Союзъ этотъ, какъ извѣстно, сталъ слагаться въ XVII стол. и съ тѣхъ

поръ не переставалъ расширяться, но въ сущности онъ призванъ обнять собою все человѣчество.

Международныя нормы далѣе регулируютъ жизнь государствъ въ ихъ *взаимныхъ сношеніяхъ*. Другими словами онѣ не касаются *внутренней* жизни и самостоятельности государствъ: какъ бы послѣднія ни были различны по своему строю и положенію, они, въ международной области, должны пользоваться равными правами и нести одинаковыя обязанности. Ихъ политическое неравенство можетъ проявляться по отношенію къ ихъ дѣеспособности, но это не должно вліять на ихъ правоспособность и еще менѣе не обусловливать ее. Государства, существующія и какъ онѣ вышли изъ судебъ прошлаго, соединяются международнымъ правомъ въ одно цѣлое на общихъ и одинаковыхъ для всѣхъ основаніяхъ.

Но оно простирается не только на государства, а и на ихъ *подданныхъ*. Мало того: *отдѣльныя лица*, какъ таковыя, должны пользоваться, въ предѣлахъ международнаго союза, а говоря шире и вѣрнѣе, на *поверхности всей земли*, охраною ихъ личныхъ и имущественныхъ правъ. Международная защита, конечно, не замѣняетъ государственной; она ее предполагаетъ и стремится дать ей по возможности вездѣ примѣненіе и дѣйствіе, а, въ случаѣ нужды, заступаетъ ея мѣсто или примиряетъ коллизіи возникающія, по поводу лицъ, между различными территоріальными властями. Эта сторона нашего предмета вытекаетъ изъ самой его природы и наиболѣе придаетъ ему характеръ универсальный и обще-человѣческій. Международная охрана лицъ, въ принципѣ, должна бы исходить собственно отъ международной организаціи, но за отсутствіемъ пока таковой, ее призваны оказывать отдѣльныя цивилизованныя государства и притомъ не только обоюднымъ подданнымъ, но и каждому человѣку вообще, гдѣ бы таковой ни находился и въ случаѣ недарованія ему защиты государственной.

Въ современномъ международномъ правѣ все яснѣе обрисовываются *три* большія области, которыя стремятся выдѣлиться въ особыя науки, по крайней мѣрѣ двѣ изъ нихъ уже обособились. Мы имѣемъ въ виду:

1. *интересы государствъ въ цѣломъ*. Для охраны ихъ уже создалась система опредѣленныхъ отношеній. Это такъ называемое *публичное международное право*. Сюда относятся ученія: о государ-

ствахъ вообще какъ международныхъ личностяхъ, объ ихъ возникновеніи, правахъ и прекращеніи; объ ихъ территоріяхъ, объ юридическихъ между ними сношеніяхъ (о трактатахъ), наконецъ о столкновеніяхъ между ними и о различныхъ способахъ ихъ примиренія.

2. *Интересы частныхъ лицъ.* Въ наше время, вслѣдствіе все расширяющагося гражданскаго оборота, частныя лица не могутъ часто довольствоваться одной только государственной охраной, даваемой имъ на территоріи ихъ отечества: они также вступаютъ въ болѣе или менѣе живыя сношенія съ такими же лицами другихъ народовъ. Для государствъ отсюда является необходимость давать защиту своимъ гражданамъ внѣ своей территоріи и, съ другой стороны, признавать на своей территоріи дѣйствіе за иностранными законами и юридическую личность за иностранцами.

Относящіяся сюда нормы считаютъ доселѣ многіе (особенно въ Англіи) отраслью гражданскаго или уголовнаго права отдѣльныхъ государствъ, но, по важности и своеобразности ихъ, гораздо вѣрнѣе выдѣлять ихъ въ особую науку частнаго *международнаго права* и отличать ее отъ права публичнаго. Существованіе ея служитъ новымъ подтвержденіемъ все усиливающейся солидарности и общности между народами.

3. Къ этимъ двумъ областямъ, болѣе или менѣе уже выработаннымъ и имѣющимъ богатую литературу, стала присоединяться, за послѣднее время, третья, какъ бы посредствующая между ними область. Въ ней имѣется въ виду охрана *соціальныхъ*, общественныхъ интересовъ, т. е. такихъ, которые въ значительной степени касаются частныхъ лицъ, но и интересовъ общества въ цѣломъ, при этомъ общества не съ его политической стороны. Государства, донынѣ глубоко между собою раздѣленныя по политическимъ вопросамъ, стали теперь, путемъ общихъ конвенцій, заключать союзы по извѣстнымъ спеціальнымъ вопросамъ, важнымъ для общаго гражданскаго оборота, но не имѣющимъ ничего общаго съ политикою. Такимъ образомъ мы присутствуемъ при зарожденіи совершенно новой юридической системы. Въ настоящее время уже возникли союзы или уніи, телеграфный, почтовый, промышленный, литературный, желѣзно-дорожный (по перевозкѣ товаровъ). Нѣкоторые изъ нихъ простираются не только на большинство европей-

скихъ государствъ, но и на нѣкоторыя страны другихъ континентовъ. По всему вѣроятію число этихъ союзовъ будетъ быстро умножаться и всю область относящихся сюда юридическихъ нормъ удобнѣе всего называть *соціальнымъ международнымъ правомъ*, становящимся въ срединѣ между публичнымъ и частнымъ международнымъ правомъ.

Изъ даннаго нами выше опредѣленія легко замѣтить, что международное право чуждо, въ принципѣ, *національнаго* характера; равно нельзя говорить о международномъ правѣ будто бы отличномъ по *различнымъ эпохамъ* исторіи человѣчества. Оно, съ момента своего возникновенія до нашихъ дней,—*едино* и *универсально*, какъ *право положительное*, хотя на практикѣ то или иное правительство можетъ, пожалуй, уклониться отъ его нормъ и позволить себѣ какія либо неправильныя воззрѣнія или дѣйствія, но это уже не будетъ международнымъ правомъ.

Оно, во-первыхъ сказали мы, не можетъ носить національный характеръ. Отдѣльныя государства, хотя и являются выразителями и носителями международныхъ нормъ, но никогда въ своей обособленности или отдѣльности: нормы, выставленныя какимъ либо однимъ государствомъ, превращаются въ международныя лишь на основаніи согласія всѣхъ остальныхъ народовъ (consensu gentium), выраженнаго либо молчаливо (обычаи), либо формально (договоры). Поэтому толки о «нѣмецкомъ», «русскомъ» международномъ правѣ суть ничто иное, какъ вопіющіе contradictio in adjecto..

Столь же неосновательно предположеніе, будто различныя историческія эпохи могли создать и различныя системы международнаго права. Въ эту ошибку особенно склонны впадать писатели историческаго направленія [1]), смѣшивая внѣшнія сношенія государствъ съ международнымъ правомъ, взятомъ въ смыслѣ научной, юридической системы. Исторія показываетъ

---

[1]) Напр., Гефтеръ, Кальво и др. Еще Монтескье говоритъ (въ „Духѣ законовъ“, кн. I, гл. 3): „всѣ народы имѣютъ свое международное право и даже Ирокезцы, поѣдающіе своихъ плѣнныхъ, имѣютъ его. Они посылаютъ и принимаютъ посланниковъ; имѣютъ кое-какія понятія о войнѣ и мирѣ. Несчастье только въ томъ, что право это не покоится на истинныхъ принципахъ“. По мнѣнію Гефтера одно международное право существуетъ въ христіанской Европѣ, другое у дикихъ племенъ, третье у мусульманъ и т. д.

намъ, что сношенія между государствами существовали съ древнѣйшихъ временъ и на всѣхъ степеняхъ культуры, ибо даже дикіе народы не могутъ вести совершенно обособленную и замкнутую жизнь. Но это не международное право: его, въ современномъ смыслѣ, не знали ни древность, ни средніе вѣка. Тѣмъ не менѣе существованіе указанныхъ сношеній для насъ важно, ибо они подтверждаютъ внутреннюю, разумную необходимость международнаго права, вытекающую изъ общежительной природы самаго человѣка. Сношенія эти были случайныя, временныя и не покоились на какихъ либо опредѣленныхъ юридическихъ началахъ. Все зависѣло тутъ отъ политики отдѣльныхъ государствъ и, не сознавая между собою никакъ общихъ идей и интересовъ, они и не могли подчинить свою коллективную жизнь опредѣленной, высшей организаціи. Безъ этихъ же условій и рѣчи быть не можетъ о международномъ союзѣ, или о международномъ правѣ.

II.

Условія существованія международнаго права.

Для существованія международнаго права необходимы нѣкоторыя *предварительныя условія*, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ исторія: во 1-хъ наличность *многихъ* государствъ; во 2-хъ государствъ другъ отъ друга *независимыхъ*, но въ 3-хъ, болѣе или менѣе связанныхъ между собою *общностью культуры*.

1. На первый поверхностный взглядъ на жизнь государствъ можетъ преставиться будто въ ихъ природѣ лежитъ требованіе безпрерывнаго и безграничнаго роста и расширенія. Такъ политическіе и военные геніи во всѣ времена стремились къ расширенію границъ своего отечества и въ этомъ полагали едва-ль не высшую для себя и для страны своей славу. Поэтому неудивительно, что могла возникнуть и принимать различные образы идея *всемірнаго государства*, какъ наиболѣе подходящаго для водворенія на землѣ общаго порядка и мира и для споспѣшествованія успѣхамъ культуры.

Но эта идея, въ принципѣ подрывающая международное право, должна быть отвергнута сама по себѣ, какъ радикально-ложная и

стоящая въ противорѣчіи съ природою и назначеніемъ самаго государства. Она могла еще имѣть мѣсто въ тѣ періоды исторіи, когда на государства смотрѣли какъ на *механическія сплоченія* отдѣльныхъ единицъ, какъ на продукты одной *силы*, которая внѣшнимъ давленіемъ и искусственно возлагала одно ярмо на племена самыя между собою разъединенныя и враждебныя. Но подобная политика не совмѣстима съ идеею современнаго государства, понимаемаго въ смыслѣ *организма* и *живой личности*, обитающаго въ немъ и чрезъ него дѣйствующаго *народа*.

Строго говоря, всемірное государство, или такое, которое простерло бы свою власть на всю нашу планету, никогда не существовало и оно просто, даже по идеѣ, невозможно. Приходится поэтому говорить о государствахъ, которыя покорили, или стремятся покорить своей власти цѣлый материкъ или даже значительныя части многихъ материковъ. Такія государства, въ отличіе отъ національныхъ, покоющихся на какой либо одной національности, могли бы быть все-таки названы универсальными. Исторія представляетъ намъ троякаго рода стремленія ихъ къ всесвѣтной диктатурѣ, смотря по принципамъ,—во имя которыхъ дѣлались эти попытки: стремленія *религіозныя* или теократическія, *политическія* и *экономическія*, или ограниченныя только областью хозяйственныхъ интересовъ.

а) Установить всемірное владычество на почвѣ религіи пытались, какъ извѣстно, *папы* въ средніе вѣка. Но теократія, о которой они мечтали, разбилась на практикѣ о противодѣйствіе свѣтской власти, сперва императоровъ, потомъ королей. Затѣмъ внутри самой католической церкви произошелъ великій расколъ протестантизма и отпаденіе отъ нея едва-ль не половины западной Европы.

Дуализма между духовной и свѣтской властью не знала другая религія, также выступившая въ средніе вѣка съ претензіями на универсальное владычество: мы говоримъ объ *исламѣ*. Верховные владыки его (сперва халифы, потомъ султаны) тоже лелѣяли мечту о покореніи себѣ вселенной, но имъ удалось это гораздо менѣе еще, чѣмъ папамъ, при несравненно бо̀льшей бѣдности содержанія магометанства,—сравнительно съ христіанствомъ,—и при грубомъ обращеніи ихъ къ мечу, какъ главному орудію властованія надъ людьми.

Указанныя теократическія попытки были несостоятельны въ принципѣ, потому что они вели къ смѣшенію религіи съ политикой, къ сліянію церкви съ государствомъ и обозначали отрицаніе права свободы человѣческой совѣсти. Католичество, вслѣдствіе своихъ свѣтскихъ политическихъ тенденцій, исказило высокій идеалъ христіанства и наложило тяжелую мертвящую свою руку на свободу и развитіе какъ отдѣльной человѣческой личности, такъ и цѣлыхъ народовъ.

Гораздо разнообразнѣе и многочисленнѣе:

b) попытки *политическія*, которыя предпринимались, начиная съ глубокой древности до нашихъ дней, наиболѣе могущественными *монархами*. Уже персидская монархія, въ древности, представляющая намъ первый образецъ нѣкоторой прочной и стройной организаціи внутри себя, задавалась мыслію о порабощеніи извѣстнаго тогда міра. Впрочемъ и ранѣе цѣль эту преслѣдовали жестокіе ассирійскіе завоеватели и могущественнѣйшіе изъ фараоновъ. Блестящій геній Александра Великаго, покоривъ Азію, основалъ повидимому всемірную монархію, но она не пережила своего основателя. Римляне повелѣвали всѣми окружавшими ихъ народами и вступившими тогда на путь цивилизаціи. Ихъ универсальная имперія остается до-нынѣ самою примѣчательною и прочною попыткою такого соединенія многихъ разнообразнѣйшихъ государствъ подъ властью единаго верховнаго скипетра, но эта именно попытка всего ярче и рельефнѣе свидѣтельствуетъ о несостоятельности такого міродержавнаго государства. Оно могло возникнуть и держаться только среди народовъ политически уже отживавшихъ и мертвѣвшихъ и поэтому утратившихъ даже самое понятіе о политической свободѣ своихъ гражданъ.

На рубежѣ среднихъ вѣковъ воскресить идею о всемірной римской имперіи, но уже на почвѣ христіанства, хотѣлъ Карлъ Великій, этотъ величайшій прототипъ позднѣйшихъ германскихъ императоровъ. Послѣдніе долго считали себя владыками Европы, но истратили лучшія свои силы на борьбу съ соперниками, которые, хотя другими путями, но стремились къ той же цѣли,—на борьбу съ папами. Съ тѣхъ поръ исторія новѣйшей Европы представляетъ намъ поочередно монарховъ, выдвигавшихся изъ среды передовыхъ и наиболѣе могущественныхъ народовъ и которые, явно

или тайно, преслѣдовали эту цѣль о наложеніи политическихъ цѣпей на весь нашъ континентъ. Вспомнимъ Карла V и Филиппа II испанскихъ, Фердинанда II австрійскаго, Людовика XIV и Наполеона I. Такую же цѣль приписываютъ на западѣ Европы и нашимъ монархамъ, особенно любя при этомъ указывать на Петра I, Екатерину II и Николая I.

Если теперь взглянуть на всѣ эти попытки съ внутренней стороны, не трудно подмѣтить въ нихъ два преобладающихъ принципа: либо завоеватели, какъ Александръ Великій, помышляли о *слiяніи* и *смѣшеніи* порабощенныхъ ими народовъ, либо они хотѣли, какъ Римляне и Наполеонъ I, основать свое господство на *преобладаніи* собственнаго народа-завоевателя. Исторія равно осудила ту и другую тенденцію, вскрывъ ихъ внутреннюю несостоятельность: изъ слiянія разнообразныхъ и противоположныхъ національныхъ и политическихъ началъ, не могло возникнуть новаго, единаго и жизнеспособнаго государства;—для роли же преобладающей надъ всѣми прочими государствами доселѣ не оказалось ни одного народа, достаточно для этого и одареннаго и сильнаго.

Уроки, преподаваемыя въ этомъ смыслѣ исторіею, подтверждаются и теоріею. Не трудно понять, что государство міровое не мыслимо иначе, какъ подъ условіемъ страшнаго развитія военнаго могущества и политической централизаціи. Созданное силою и насиліями, оно ими только и можетъ поддерживаться. Но, противное самой природѣ государства, оно никогда не будетъ ни прочнымъ, ни благотворнымъ. Едва исчезнутъ для него внѣшніе враги, какъ поднимутся на него враги гораздо болѣе опасные—внутренніе. Дѣло въ томъ, что чѣмъ безмѣрнѣе ростетъ государство, тѣмъ быстрѣе слабѣетъ связь его окраинъ съ центромъ, въ немъ усиливается деспотизмъ правительства, все притягивающаго къ себѣ, но становящагося все менѣе способнымъ хорошо управлять необъятными пространствами и понимать нужды столь разнообразныя и сложныя, когда такъ разнохарактерно населеніе. Въ такомъ государствѣ, самъ создавшій его народъ, не уподобивъ себѣ всѣ чуждые и враждебные ему національные элементы, которые онъ проглотилъ, быстро теряетъ свою личность, а отдѣльные граждане лишаются политической свободы и по необходимо-

сти впадаютъ въ коснѣніе невѣжества и апатіи. Словомъ, они также глубоко извращаются, какъ и вся правительственная система. Исторія Рима при императорахъ достаточно подкрѣпляетъ наши мысли.

Иначе и быть не можетъ, ибо всемірное государство, какъ мы сказали, въ идеѣ само себя отрицаетъ и уничтожаетъ. Физическія условія нашей планеты, разнообразіе дарованій и особенностей тѣхъ человѣческихъ группъ, которыя называются національности и народы,—все требуетъ существованія на землѣ не одного, а *многихъ* государствъ. Лишь подъ этимъ условіемъ возможно между ними соревнованіе, столь необходимое для каждаго, а, съ другой стороны, полное и всестороннее собственное ихъ развитіе и преуспѣяніе. Единство человѣческаго рода не исключаетъ, а, напротивъ, требуетъ закона разнообразія его отдѣльныхъ частей, безъ чего немыслимо развитіе его, какъ цѣлаго, подобно развитію вообще вселенной [1]). Вотъ почему отдѣльныя страны земли по своимъ физическимъ условіямъ отдѣлены другъ отъ друга горными хребтами и морями и одарены неодинаковымъ климатомъ и производительною силою. Столь же расходятся между собою и обитающія ихъ племена: какъ ихъ потребности, такъ и ихъ воззрѣнія и способности часто мало схожи между собою и какъ же, при этихъ условіяхъ, могутъ они ужиться въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ общественнаго быта? Развѣ это не обозначало бы искалѣченія жизни однихъ въ угоду другимъ?

с) Послѣднюю попытку къ объединенію цѣлаго материка подъ эгидою одного опредѣленнаго правительства, но на этотъ разъ на почвѣ лишь *экономическихъ* интересовъ, мы видимъ со стороны С. Штатовъ, когда они созвали въ 1889—90 г. въ Вашингтонѣ конгрессъ изъ делегатовъ всѣхъ (15) республикъ Америки. Ихъ одушевляла при этомъ идея привлеченія всѣхъ этихъ государствъ къ ихъ собственной экономической политикѣ съ высокимъ, почти запретительнымъ тарифомъ, посредствомъ заключенія съ ними обширнаго *таможеннаго союза* и закрытія всѣхъ американскихъ рынковъ для товаровъ Европы. Америка для американцевъ,—въ

---

[1]) Не безъ основанія еще Гумбольдъ видѣлъ «единство въ разнообразіи явленій» одинъ изъ законовъ міровданія.

точномъ, абсолютномъ смыслѣ слова,—такой девизъ этихъ націоналистовъ новаго Свѣта, не знающихъ никакихъ уступокъ и сдѣлокъ. Конгрессъ не удался, но это не значитъ, чтобы дѣло, которому онъ хотѣлъ послужить, не могло быть осуществлено въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Многія стороны его программы не могутъ не быть симпатичными и для европейца: особенно то, что касается до объединенія или бо́льшаго сближенія гражданскихъ, торговыхъ и уголовныхъ законовъ Америки, а равно до расширенія сношеній между ея отдѣльными странами. Вашингтонскій кабинетъ замыслилъ громадное, но мирное завоеваніе. Съ укрѣпленіемъ общаго права, онъ хотѣлъ утвердить въ новомъ Свѣтѣ и на болѣе разумныхъ основаніяхъ самый миръ, сдѣлавъ войну почти излишнею между американскими республиками.

Что сказать о принципѣ такого рода попытки? Мы не раздѣляемъ воззрѣнія будто таможенный союзъ ведетъ неизбѣжно его членовъ къ политическому объединенію, а подъ конецъ даже къ порабощенію. Такъ случилось съ германскими государствами, которыя, черезъ таможенный союзъ, перешли къ гегемоніи Пруссіи. Но они ранѣе и независимо отъ этого были соединены между собою національными узами, прошлыми историческими судьбами и общими стремленіями германскаго народа къ большему политическому единству и могуществу. Ничего подобнаго не представляютъ юныя республики Америки: онѣ занимаютъ цѣлый материкъ, живутъ въ столь разнообразныхъ условіяхъ природныхъ, экономическихъ и иныхъ, что имъ нечего стремиться къ политическому объединенію, которое лишило бы ихъ только самостоятельной національной жизни. Поэтому въ идеѣ ничего нельзя возразить противъ введенія въ Америкѣ предположеннаго таможеннаго союза, но съ двумя существенными, однако, оговорками: чтобы во 1-хъ онъ не подрывалъ политической самостоятельности его членовъ, всегда вольныхъ къ нему приступить или изъ него выдти, и во 2-хъ, чтобы онъ не закрывалъ по правилу американскихъ рынковъ для европейскихъ товаровъ. Такое обособленіе, хотя бы цѣлаго материка отъ другаго, должно быть признано тяжкимъ нарушеніемъ международнаго права.

Для существованія международнаго права недостаточно, чтобы были на лицо *многія* государства; требуется еще:

2. Чтобы они были *независимы*. Это условіе также весьма важное. Въ жизни мы видимъ и между государствами, какъ и между индивидами, различныя формы и степени зависимости, но при этомъ должно помнить, что такія явленія не въ состояніи подорвать общаго и высшаго правила международнаго порядка, что члены его должны быть *независимы* и *суверенны* и во 2-хъ, подобныя явленія, вытекая изъ политическихъ и историческихъ особенностей государствъ съ умаленною, такъ сказать, правоспособностью, не лишаютъ ихъ однако международной охраны и значенія, сообразно съ ихъ дѣйствительнымъ положеніемъ въ средѣ другихъ народовъ. Большею частію это—положенія переходныя, временныя либо къ полному сліянію, либо къ совершенному отдѣленію странъ зависимыхъ отъ ихъ верховныхъ правительствъ.

Такъ должно смотрѣть напр. на *колоніи*. Хотя бы онѣ пользовались самою широкою автономіею, онѣ не суть международныя лица.

Собственно государства *зависимыя* (прежде неудачно называвшіяся *полу-независимыя*) представляются либо *вассальными*, когда верховныя права ихъ *сюзерена*, или посторонняго правительства, отъ котораго они зависятъ, простираются какъ на ихъ внѣшнюю, такъ и *внутреннюю* жизнь, либо только *охраняемыми*, когда охраняющая ихъ держава (*протекторъ*) можетъ распоряжаться, въ извѣстномъ направленіи, лишь ихъ *внѣшнею* жизнію. Это и есть собственно протекторатъ.

Указанныя формы соединенія установляются между политическими тѣлами неравными по своему могуществу и неодинаковыми въ національномъ и политическомъ отношеніяхъ. При наличности же послѣднихъ условій возникаютъ такъ называемыя государства *сложныя*. И тутъ мы видимъ двѣ формы, смотря по тому ограничивается ли соединеніе лишь внѣшнею жизнію (*союзъ государствъ*, конфедерація) или же захватываетъ также и жизнь внутреннюю соединившихся частей (*союзное государство*, федерація).—Со всѣми этими явленіями считается, какъ сказано, международное право, но само по себѣ оно покоится на коренномъ принципѣ *полной независимости* народовъ, требуя ея въ равной степени въ двухъ областяхъ: политической и экономической. Фактически болѣе слабыя тѣла будутъ, конечно, всегда и въ политикѣ тяготѣть къ силь-

Библиотека ОО

нѣйшимъ и какъ бы около нихъ вращаться, но это никогда не должно вести ихъ къ обезличенію или даже къ потерѣ ими самостоятельности.

Наконецъ,

3. исторія показываетъ намъ, что международное право становится положительнымъ, дѣйствующимъ лишь между народами, стоящими приблизительно на *одинаковомъ уровнѣ культуры*. Это условіе станетъ понятнымъ, если сообразить, что право вообще, будучи частію нравственнаго порядка, можетъ охранять своими нормами жизнь народовъ лишь въ тѣхъ случаяхъ и въ той степени въ какой они связаны *общностью своихъ идей и интересовъ*. Это же дѣло самой жизни и не можетъ быть привито людямъ искусственно. Соотвѣтствуя именно этому условію международное право является, для новыхъ народовъ Европы и Америки, живымъ и положительнымъ. Это переводитъ насъ къ вопросу объ его объективныхъ основаніяхъ,—предмету слѣдующей главы.

III.

Объективныя основанія Международнаго Права.

Мы разумѣемъ подъ *объективными* (или менѣе вѣрно: *фактическими*) основаніями международнаго права такія условія его существованія, которыя не зависятъ отъ чьей либо *воли*,—будь то отдѣльныхъ людей, или даже могущественнѣйшихъ государствъ,—но которыя самимъ Провидѣніемъ заложены въ *природѣ* и въ *исторіи* новыхъ народовъ, среди которыхъ зародилось и крѣпнетъ международное право.

Основаній этихъ четыре: 1) физическія особенности Европы; 2) племенное родство европейскихъ народовъ; 3) ихъ родство духовное и 4) параллельность всего ихъ историческаго роста и развитія.

На каждомъ изъ этихъ пунктовъ мы должны остановиться особенно.

1.

Существуетъ мнѣніе, будто Европа, по своему физическому строю, не составляетъ особаго, самостоятельнаго материка: она

есть, какъ бы продолженіе Азіи, придатокъ къ ней, не будучи даже отдѣленною естественными границами. Такими едва ли можно считать Уралъ, вездѣ представляющій много удобныхъ переходовъ изъ одного материка въ другой.

Съ этимъ мнѣніемъ никакъ нельзя согласиться. Дѣйствительно, Европа не отдѣляется природою рѣзко отъ Азіи, но *всѣ физическія условія* устройства ея придаютъ ей вполнѣ характеръ самостоятельнаго континента и притомъ такого, на которомъ человѣкъ могъ всего удобнѣе достигнуть своего высшаго развитія и отсюда распространить свою власть надъ землею. Природа предъуказала въ Европѣ арену для обще-человѣческой, универсальной культуры, сдѣлавъ ее царствомъ человѣка по-преимуществу.

Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія особенно двѣ ея черты: во 1-хъ весьма выгодныя *очертанія ея поверхности*, какъ-то: расчлененіе ея береговъ, очень развитая, со стороны моря, береговая линія и множество острововъ; не менѣе удобное расположеніе горныхъ цѣпей и судоходныхъ рѣкъ, не препятствующихъ, какъ на другихъ материкахъ, сношеніямъ между людьми, но, напротивъ, имъ благопріятствующихъ; сюда же должно отнести близость ея къ остальнымъ двумъ частямъ Стараго Свѣта, откуда распространилась древнѣйшая цивилизація.

Во 2-хъ, положеніе Европы въ *умѣренномъ климатѣ* и стоящія съ этимъ въ связи условія ея *почвы* выдвигаютъ ее еще болѣе впередъ въ ряду другихъ материковъ. Эти условія побуждаютъ человѣка къ труду, постоянному и непрерывному, но вознаграждающему его усилія. Европѣ чуждъ климатъ тропическихъ странъ, гдѣ зной подавляетъ всякую энергію человѣка, а роскошная природа располагаетъ его къ лѣни и изнѣженности; но, съ другой стороны, Европа не страдаетъ и отъ противоположной крайности странъ полярныхъ, въ которыхъ стужа все сковываетъ и леденитъ. Ничего подобнаго не знаетъ наша часть свѣта: климатъ ея,—умѣренно—холодный, не усыпляетъ человѣка, а вызываетъ на всякаго рода дѣятельность, потому между прочимъ, что почва ея не настолько благодатна, чтобы легко прокармливать человѣка, но требуетъ отъ него постояннаго напряженія его энергіи и силъ. За то она и вознаграждаетъ какъ должно эти усилія и питаетъ несравненно большее число людей, чѣмъ могла бы питать при иныхъ,

менѣе выгодныхъ природныхъ условіяхъ и при меньшемъ напряженіи человѣческаго труда.—Послѣ Европы много естественныхъ выгодъ представляетъ также Америка, но она была открыта лишь очень поздно и цивилизація занесена къ ней изъ Европы, гдѣ она уже успѣла достигнуть высокаго уровня развитія.

2.

Не менѣе важно и другое объективное основаніе международнаго права—*племенное родство* европейскихъ народовъ. Европа, населяется народами романскими, германскими и славянскими,—которые всѣ принадлежатъ къ бѣлой расѣ и именно къ наиболѣе прогрессивной и способной къ развитію ея части—къ арійцамъ. Они вышли изъ общей родины въ Азіи [1]) и произошли отъ однихъ родоначальниковъ. На эту общность ихъ происхожденія и на ихъ первоначальное физіологическое родство (родство по крови) указываютъ сродство ихъ языковъ и ихъ психическія особенности, по скольку они выражаются въ ихъ воззрѣніяхъ на человѣка и на окружающую ихъ природу [2]). Само собою разумѣется указан-

---

[1]) Спорятъ о *мѣстѣ* нахожденія этой ихъ общей колыбели, но для насъ важенъ самый фактъ ея *общности*.

[2]) Послѣ арійцевъ въ исторіи человѣчества видное мѣсто занимаютъ еще *семиты*, на долю которыхъ выпала оригинальная и плодотворная дѣятельность въ области религіи. У нихъ возникли три системы единобожія: еврейство, христіанство и магометанство. Можно указать еще на представителей монгольской расы, Китайцевъ и Японцевъ, достигнувшихъ издавна извѣстной оригинальной цивилизаціи. Но отъ нея давно уже отлетѣлъ духъ жизни и она, стоя въ исторіи человѣчества особнякомъ, не можетъ идти въ сравненіе съ богатымъ развитіемъ арійцевъ.—Что же касается до черной расы (негровъ, обитателей Африки), малайской и красной, американской, то племена ихъ едва возвысились надъ грубыми формами чисто животной жизни и всегда отличались коснѣніемъ въ невѣжествѣ и дикости.

Словомъ, вся высшая человѣческая культура есть продуктъ тысячелѣтнихъ усилій арійцевъ. Достойно вниманія, что еще въ древности и въ первоначальной своей родинѣ—въ Азіи—племена ихъ положили первыя начала государственной организаціи и философскаго мышленія (индусы, иранцы). Перейдя затѣмъ въ Европу, они, еще до христіанства, явились самостоятельными творцами науки о государствѣ и о правѣ (греки, римляне) и знали на практикѣ первыя стройно-организованныя и, до извѣстной степени, свободныя государства, но, лишь, занявъ весь наиболѣе удобный и для нихъ какъ бы предназначавшійся материкъ, и благодаря воздѣйствію на нихъ христіанства и другихъ условій культуры, они возмогли стать въ челѣ всего человѣчества.

ные факты не уничтожаютъ извѣстныхъ особенностей между отдѣльными племенами и эти различія только усиливаются по мѣрѣ ихъ обособленія другъ отъ друга и въ силу ихъ историческаго развитія, но сами по себѣ эти различныя особенности представляются, для болѣе глубокаго взора, лишь оттѣнками на томъ великомъ общемъ фонѣ, который соединяетъ всѣ христіанскіе народы въ одно цѣлое. Вотъ почему можно сказать, что они всѣ между собою братья по крови и по духу, такъ что всякая война между ними есть междуусобіе.

Эту истину особенно важно подчеркивать въ наше время, когда такъ не рѣдки искаженія принципа національности. Многіе писатели, какъ бы съ намѣреніемъ, выдвигаютъ на первый планъ тѣ глубокія и коренныя различія, которыя, по ихъ мнѣнію, будто-бы существуютъ между народами Европы. Англійскіе національнисты любятъ противополагать свой островъ остальному «материку» Европы; у насъ вездѣ хотятъ видѣть различія между славянскимъ міромъ и романо-германскимъ; съ 1870 г. глубокая пропасть ненависти легла между Франціею и Германіею; наконецъ стали выдѣлять и противопоставлять «американизмъ»—«европеизму».

Сколько бы ни существовало розни и вражды между арійскими племенами, не должно забывать, повторяемъ, что они родственники и это очень важно при опредѣленіи общаго характера международнаго права.

Народы Европы, романцы, германцы и славяне, отличаются слѣдующими важными чертами, имъ всѣмъ болѣе или менѣе общими:

a) сознаніемъ человѣческой личности и ея прирожденнаго достоинства. Эта черта вызываетъ въ нихъ любовь къ свободѣ, ради охраны которой, между прочимъ, они создали право, какъ ея оплотъ и проявленіе. Особенно германскія племена, даже въ началѣ своей исторіи, отличались свободолюбіемъ и, разрушая римскую имперію, ставили на мѣсто территоріальнаго принципа законовъ, принципъ личный, въ силу котораго каждый носитъ свое право въ себѣ и съ собою.

b) Не менѣе отличаются арійцы и способностію къ государственной жизни. У нихъ мы видимъ не только большое разнообразіе политическихъ формъ, но даже одна и та же форма под-

верглась, съ теченіемъ времени, разнообразнымъ измѣненіямъ и усовершенствованіямъ. Государства самыя прочныя и съ наиболѣе свободною и совершенною организаціею встрѣчаются у нихъ, и однимъ изъ плодовъ ихъ богатой политической жизни за послѣдніе вѣка является и международное право.

c) Племена Европы отмѣчены еще своимъ пытливымъ, любознательнымъ умомъ, благодаря чему имъ удалось создать философію и естествознаніе, вообще науки, съ конца среднихъ вѣковъ извѣдать почти всю нашу планету и все болѣе и болѣе обращать силы природы на служеніе человѣку. И въ этой области поразительны ихъ подвижность, изобрѣтательность и энергія.

3.

Третьимъ объективнымъ основаніемъ международнаго права является *родство духовное* между новыми народами Европы. Оно представляется намъ какъ бы въ двухъ теченіяхъ, въ двоякомъ смыслѣ: какъ общность *духовная*, религіозно-нравственная и какъ общность *интеллектуальная*, цивилизаціи.

Разсматривая интересующій насъ теперь вопросъ въ первомъ отношеніи, мы должны отмѣтить тотъ капитальный въ исторіи фактъ, что всѣ европейскіе народы, еще въ началѣ своей исторической жизни, приняли *христіанство*, которое по природѣ своей космополитично и универсально, составляя этимъ противоположность языческимъ религіямъ, которыя всѣ были національны.

Писатели смотрятъ различно на воздѣйствіе христіанства на международное право: одни приписываютъ ему возникновеніе этого права и дальнѣйшее его развитіе [1]), другіе говорятъ, что въ религіи нельзя искать основанія юридическихъ нормъ [2]) и указываютъ на фактъ, что впродолженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ, когда

---

[1]) Наше современное, европейское международное право, говоритъ Ривье, есть по преимуществу продуктъ христіанства и новой культуры, въ силу которыхъ установилось между государствами и народами общество или союзъ (Staaten oder Volkergemeinde), члены котораго все тѣснѣе скрѣпляются между собою какъ духовными, такъ и матеріальными узами. (Volkerr).

[2]) Der religiose Glaube, замѣчаетъ Блюнчли, begrundet nicht und behindert nicht die Rechtspflicht. (Volkerr.).

христіанство преимущественно опредѣляло и общественныя отношенія людей—международное право не существовало.

Съ послѣднимъ положеніемъ нельзя не согласиться, но на дѣло нужно смотрѣть глубже: христіанство дѣйствительно не произвело прямо и непосредственно международнаго права, но, съ одной стороны, оно является важнѣйшимъ факторомъ среди тѣхъ, которые, такъ сказать, проложили и расчистили для него почву, а съ другой, между нимъ и нашимъ предметомъ существуетъ глубокое внутреннее и духовное сродство. Христіанство въ идеѣ и въ своихъ заповѣдяхъ выразило то, что международное право стремится передать на языкѣ юридическомъ.

Слѣдующія его идеи, относящіяся къ его основнымъ догматамъ, болѣе всего призваны содѣйствовать и успѣхамъ международнаго права:

1. Идея объ *единствѣ всего человѣчества*. Уже въ древности нѣкоторые философы, особенно греческіе, учили, что человѣчество, несмотря на видимое его дѣленіе на государства, представляетъ однако собою одно цѣлое. Но эта доктрина, шедшая въ разрѣзъ со всѣмъ строемъ и міросозерцаніемъ античнаго міра, была тогда достояніемъ немногихъ избранныхъ умовъ, которые, замыкаясь въ собственный внутренній міръ, съ презрѣніемъ относились къ остальнымъ людямъ и особенно къ массамъ нисшаго населенія, коснѣвшаго въ рабствѣ и въ невѣжествѣ.

Совершенно новый взглядъ высказало на это христіанство. Оно внесло въ идею единства человѣчества небывалыя до него нравственную глубину и теплоту, а равно реальную правду. Оно учитъ, что человѣчество едино по своему происхожденію, природѣ и назначенію и, такимъ образомъ, противъ обособленности государствъ выставляетъ ихъ общечеловѣческую природу.

2. Христіанство провозгласило *братство* между всѣми людьми. По его ученію всѣ люди, какъ сыны Божіи, между собою братья, безъ всякаго различія національности, класса, состоянія и вообще положенія въ свѣтѣ. Взаимныя отношенія между ними должны быть проникнуты милосердіемъ и любовью, простирающимися даже на враговъ.

3. Поэтому христіанство, по идеѣ, есть возвышеннѣйшая на землѣ проповѣдь о *мирѣ*. Хотя въ средніе вѣка, въ эпоху наибольшаго

могущества католичества и оно, въ лицѣ тогдашнихъ своихъ представителей, увлеклось земными интересами и дало освященіе религіознымъ войнамъ противъ магометанъ и протестантовъ, но, тѣмъ не менѣе, христіанство, по существу, есть религія мира. Оно желаетъ привлечь къ себѣ всѣхъ людей, ибо хочетъ всѣхъ ихъ спасти, но оно въ принципѣ осуждаетъ насиліе въ дѣлахъ совѣсти и вѣры. Всякое духовное торжество для него желательно по столько, поскольку оно соотвѣтствуетъ внутреннимъ убѣжденіямъ людей. Поэтому можно сказать, несмотря на вѣковыя заблужденія, что христіанство по существу относится къ войнѣ неодобрительно. Другими словами, допуская ее во времени, какъ неизбѣжную форму для отраженія еще большаго зла, оно требуетъ отмѣны ея въ идеалѣ [1]).

Вторая сторона духовной общности—*родство культуры* европейскихъ народовъ. И это очень важный факторъ въ образованіи международнаго права. Вся новѣйшая европейская цивилизація есть въ сущности ничто иное, какъ дальнѣйшее теченіе и разработка идей, полученныхъ новой Европой въ наслѣдіе отъ трехъ болѣе древнихъ, предшествовавшихъ ей цивилизацій: еврейской, греческой и римской. На этихъ трехъ столбахъ покоится вся христіанская культура, какъ одно стройное цѣлое, независимо отъ разнообразія частей, ее составляющихъ. Въ свою очередь, названныя три цивилизаціи восприняли въ себя все лучшее изъ идей и традицій еще болѣе древняго Востока, на почвѣ которыхъ и онѣ

---

[1]) Объ всемъ этомъ прекрасно говоритъ Блюнчли: „Многія христіанскія идеи предуказали путь международному праву. Христіанство видитъ въ Богѣ Отца людей, а въ людяхъ сыновъ Божіихъ. Этимъ въ принципѣ признается единство человѣчества и братство всѣхъ народовъ. Христіанская религія преклоняетъ гордость античнаго самодовольства и требуетъ отъ людей смиренія; она поражаетъ ихъ эгоизмъ въ корнѣ и учитъ ихъ самоотреченію; она ставитъ самопожертвованіе для ближнихъ выше нежели властвованіе надъ ними. Такимъ образомъ она устраняетъ препятствія, которыя мѣшали возникновенію международнаго права въ древности. Высшая ея заповѣдь есть любовь къ людямъ, доведенная даже до любви къ врагамъ. Она дѣйствуетъ на людей возвышающимъ и освобождающимъ образомъ, очищая ихъ и примиряя съ Богомъ. Она есть вѣсть о мирѣ. Отсюда было вполнѣ естественно перевести эти идеи и заповѣди на юридическій языкъ и превратить ихъ въ принципы гуманнаго международнаго права, которое признаетъ всѣ народы членами одной великой семьи—человѣчества, охраняетъ повсюду миръ на землѣ и требуетъ даже во время войны уваженія къ общечеловѣческимъ правамъ“.

сами могли, въ свое время, раскрыться и достичь пышнаго цвѣтенія.

Такимъ образомъ: новая европейская цивилизація есть дѣйствительно общечеловѣческая, по элементамъ воспринятымъ ею отъ болѣе древнихъ цивилизацій, а равно по ея собственнымъ идеямъ и задачамъ. *Евреи,* какъ извѣстно, въ значительной степени передали намъ свои религіозныя и нравственныя начала особенно идею Единобожія и все, что съ нею стоитъ въ связи, десятословіе и возвышенныя нравственныя воззрѣнія пророковъ.

Греки завѣщали намъ первые принципы и недосягаемые образцы философскаго мышленія и художественнаго творчества. Они первые создали науку о государствѣ, доселѣ не лишенную для насъ интереса и значенія.

Римляне оставили намъ, въ безсмертной формѣ, свои идеи права. Они имѣли для послѣдующаго развитія міра двоякое большое значеніе: въ смыслѣ нормъ положительнаго, дѣйствительнаго права послѣ принятія ихъ (рецепціи) въ средніе вѣка на западѣ Европы и затѣмъ какъ великіе образцы для юридическаго мышленія и образованія. По ихъ подобію стали юристы, въ позднѣйшія эпохи, распространять господство права на новыя, болѣе сложныя отношенія людей въ общежитіи. Это значеніе дисциплины и лучшей для юриста школы—римское право никогда не утратитъ.

4.

Наконецъ, четвертое объективное основаніе современнаго международнаго права лежитъ въ *параллельности* историческаго развитія новыхъ народовъ. Между тѣмъ какъ въ древности государства жили и развивались изолированно другъ отъ друга, бывъ разобщенными какъ пространствомъ, такъ и своими идеями и воззрѣніями, и переживали въ одно и то же время различныя фазы своего историческаго бытія, новые народы Европы представляютъ намъ совершенно иную картину. Изучая ихъ исторію въ цѣломъ, мы открываемъ слѣдующія явленія:

а) всѣ народы Европы пережили впродолженіе тысячелѣтій своей жизни, нѣсколько періодовъ развитія съ опредѣленными характерными чертами;

b) періоды эти слѣдовали вездѣ одинъ за другимъ въ извѣстномъ порядкѣ;

c) они почти у всѣхъ народовъ, съ небольшими уклоненіями, наступали одновременно.

Эти условія и вызвали параллельность въ ростѣ новыхъ народовъ. Болѣе всего указанныя явленія свидѣтельствуютъ о правильности и глубокой разумности въ ходѣ прогрессивнаго развитія человѣчества. Исторія—не случайное сцѣпленіе событій: она видимо направляется Высшею Волею по стройному плану къ великимъ задачамъ.

Бросая взглядъ на исторію новыхъ народовъ, мы прежде всего присутствуемъ при ихъ переселеніи изъ одного материка въ другой и хаотическомъ разселеніи на развалинахъ Рима. При самомъ началѣ ихъ исторической жизни какъ бы въ самой колыбели, они почти одновременно (на разстояніи немногихъ вѣковъ) принимаютъ христіанство. Осѣвшись на своихъ земляхъ, они долгое время живутъ по началамъ частнаго права, принципы котораго опредѣляютъ феодальный строй въ средніе вѣка. Государства не имѣли еще самостоятельной политической организаціи, но они понемногу стали складываться въ переходную эпоху къ новому времени подъ крѣпкою рукою монарховъ. Наступилъ періодъ неограниченной монархіи и просвѣщеннаго абсолютизма. Между этими государствами, на которыя распалось тогда европейское общество, понемногу завязались правильныя сношенія и установился извѣстный порядокъ. Такъ возникло, хотя первоначально въ грубой и очень несовершенной формѣ, положительное международное право. Оно явилось продуктомъ не измышленій теоріи, а самой жизни европейскихъ народовъ и ея неотразимыхъ потребностей. За періодомъ неограниченной монархіи послѣдовалъ, въ западной Европѣ, новый фазисъ политическаго развитія народовъ—государства представительнаго въ связи съ повсемѣстнымъ распространеніемъ демократическихъ принциповъ.

Таковъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, процессъ развитія новыхъ европейскихъ народовъ. Конечно у каждаго изъ нихъ онъ представляетъ извѣстныя индивидуальныя особенности, но послѣднія не стираютъ типическія черты, отмѣчающія каждый періодъ въ ихъ исторической жизни.

Не всѣ однако писатели держатся указанной нами точки зрѣнія.

Спеціально у насъ въ Россіи нѣкоторые выдвигаютъ особенности русской жизни и исторіи и на этомъ основаніи полагаютъ возможнымъ отдѣлять и противополагать славянскій культурный типъ, полный, по ихъ мнѣнію, жизни и будущности,—типу романо-германскихъ народовъ, уже отжившихъ, или, по крайней мѣрѣ, находящихся въ періодѣ быстраго одряхлѣнія.

Какъ ни заманчива подобная теорія для нашего національнаго чувства, но она покоится на странныхъ натяжкахъ и самообольщеніи. Касаясь по существу и международнаго права, она не можетъ быть обойдена нами молчаніемъ.

Указываютъ, во 1-хъ, на различія въ *историческихъ судьбахъ* обѣихъ половинъ Европы, восточной и западной; во 2-хъ, на различіе *вѣроисповѣданій* и въ 3-хъ, на особенности *психическаго* строя славянъ, сравнительно съ западными народами.

Разсмотримъ кратко каждый изъ этихъ пунктовъ.

Во 1-хъ, говорятъ о различіи историческаго роста и воспитанія русскаго народа сравнительно съ его западными сосѣдями. На Западѣ исторія въ средніе вѣка начинается съ завоеванія, т. е. съ цѣлаго ряда насилій; у насъ мы видимъ—мирное призваніе князей и мирное же постепенное раствореніе пришлаго варяжскаго элемента въ общей массѣ славянскихъ племенъ.

Не отвергая вполнѣ этого факта, должно однако замѣтить, что, насколько намъ дозволяютъ судить скудныя и отрывочныя свѣдѣнія дошедшихъ до насъ лѣтописей, разселеніе варяговъ-руссовъ по нашей землѣ совершилось далеко не мирно, но сопровождалось многими враждебными столкновеніями и передвиженіями племенъ.

Россія, продолжаютъ, не знала феодальнаго періода, но пережитый ею періодъ удѣльный представляетъ съ феодальнымъ то общее, что оба они характеризовались преобладаніемъ началъ частнаго права надъ публичными. Государство, въ строго публичномъ смыслѣ слова, не существовало: власть пріобрѣталась и переходила, на подобіе частной собственности, по принципамъ гражданскаго права, земли дробились и сливались по договору, захватамъ и инымъ частнымъ сдѣлкамъ ихъ собственниковъ. Различія, безспорно существовавшія на Руси въ эпоху удѣловъ, не подры-

вая указываемаго нами факта, легко объясняются иными условіями: обширностію ея территоріи, малолюдіемъ, удаленностію отъ Рима и исшедшихъ отъ него началъ и т. д.

Въ Россіи, говорятъ далѣе, не существовало борьбы между церковью и государствомъ, борьбы проходящей красною нитью чрезъ всю исторію Запада.

Это переводитъ насъ:

во 2-хъ, къ вопросу о различіи вѣроисповѣданій. Дѣйствительно, вмѣсто борьбы, церковь, за немногими исключеніями, пребывала у насъ въ союзѣ съ государствомъ и въ этомъ нельзя не видѣть одной изъ наиболѣе счастливыхъ особенностей русской исторіи. Она объясняется столько же духомъ самого Православія, всегда чуждавшагося, въ отличіе отъ католичества, политики, сколько и тѣмъ фактомъ, что предки наши приняли христіанство отъ Византіи, гдѣ духовная власть съ самаго начала находилась въ зависимости отъ свѣтской власти императоровъ.

Къ этимъ важнымъ обстоятельствамъ надо присоединить еще одно: прирожденную религіозность русскихъ, въ силу которой, какъ правители наши, такъ и всѣ слои населенія были по большей части преданы церкви и ея уставамъ.

Все это мы признаемъ, но не можемъ согласиться съ тѣми, которые, указывая на разъединеніе и распаденіе христіанскихъ церквей, какъ бы сомнѣваются въ высшемъ единствѣ и назначеніи самого христіанства, какъ одного нераздѣльнаго цѣлаго, какъ откровенной религіи, предназначенной спасти все человѣчество. Тѣ, которые выдвигаютъ на первый планъ раздѣленіе христіанства на три церкви—католическую, протестантскую и православную,—обращаютъ особое вниманіе на то, что это раздѣленіе покоится на различіи политическихъ и національныхъ принциповъ. Католичество, опираясь на принципъ власти, усвоено романскими народами. Протестантизмъ, вытекая изъ начала личной свободы, болѣе всего соотвѣтствуетъ природѣ германскихъ племенъ. Какъ бы середину между ними, занимаетъ Православіе, чуждое ихъ крайностей. Оно склоняется, въ жизни церкви, къ аристократическому началу—соборному, и есть, по-преимуществу, вѣроисповѣданіе славянъ.

Дѣйствительно, это расчлененіе единаго христіанства глубоко прискорбно для каждаго вѣрующаго, но оно не имѣетъ того значенія, которое ему хотятъ придать иные націоналисты. Люди раздѣлили то, что Богъ соединилъ. Они разошлись и спорятъ доселѣ относительно пониманія и толкованія извѣстныхъ догматовъ, а равно относительно принциповъ и формъ устройства и управленія церкви, понимаемой какъ извѣстный союзъ людей. Но несравненно выше надъ этими спорами стоитъ то, что сближаетъ и соединяетъ въ одно цѣлое всѣхъ христіанъ: вѣра въ божественную Личность самого Основателя нашей религіи, а также основныя истины и духъ всего Его ученія. На этой почвѣ всѣ христіане—братья по духу, а какъ таковые, они должны ставить для себя главною задачею—стремленіе къ возсоединенію церквей.

Въ 3-хъ, указываютъ на психическія отличія славянъ отъ романо-германцевъ. Тѣ, вслѣдствіе излишне-развитаго индивидуализма, отличались искони насильственностію, которая, мѣняя формы, не переставала существовать во всѣ періоды исторіи западной Европы. Отсюда, культъ эгоизма, какъ излишнее преклоненіе предъ личностію и ея требованіями, такъ и та нетерпимость, которая сказалась тамъ, въ средніе вѣка, въ религіозной области и исказила даже христіанство, но которая проявляется и позднѣе на почвѣ политической, въ сферѣ соціальныхъ вопросовъ и т. д.

Напротивъ, славянскіе народы самою природою избавлены отъ этой насильственности характера. Имъ прирождена гуманность и это должно отразиться, какъ своеобразная черта, на характерѣ той цивилизаціи, которую они призваны создать.

Какъ ни пріятна эта теорія для русскаго сердца, но относительно ея должно вспомнить, что насильственность вовсе не составляетъ какого-то исключительнаго достоянія романо-германскихъ народовъ. Ею отличались всѣ первые, грубые періоды исторіи человѣчества. Что могло быть напр. ужаснѣе насилій монгольскихъ и иныхъ азіатскихъ расъ? А они и понятія не имѣли о достоинствѣ человѣческой личности, чѣмъ отличаются арійскія племена. Итакъ, нечего насильственность выводить изъ сознанія личности у романо-германцевъ. Безъ этого сознанія немыслимо человѣческое достоинство, а, слѣдовательно, и высшее развитіе чело-

вѣчества. Оно должно быть признано однимъ изъ главнѣйшихъ факторовъ въ исторіи; насильственность же есть проявленіе всего животнаго и въ человѣкѣ ее призвана смягчать, обуздывать именно цивилизація.

Въ славянахъ, пожалуй, ея менѣе, и они по природѣ добродушнѣе многихъ другихъ народовъ, за то у нихъ слабѣе развито сознаніе о личномъ достоинствѣ человѣка, о правѣ и его необходимости и проч.

То же самое должно сказать о бо́льшей будто бы способности русскаго народа къ свободѣ и къ государственной жизни. Указываютъ на его умѣнье и привычку повиноваться, на его уваженіе и довѣренность къ власти, на отсутствіе въ немъ властолюбія и на его отвращеніе вмѣшиваться въ то, въ чемъ онъ считаетъ себя некомпетентнымъ. Эти свойства русскаго народа составляютъ внутреннюю причину того, что Россія едва ли не единственное государство, которое никогда не имѣло (и по всей вѣроятности никогда не будетъ имѣть) политической революціи, т. е. революціи, имѣющей цѣлію ограниченія размѣровъ власти, присвоеніе всего объема власти или части ея какимъ либо сословіемъ или всею массою гражданъ.

Оставляя въ сторонѣ, что послѣднее утвержденіе не вполнѣ соотвѣтствуетъ фактамъ изъ русской исторіи, замѣтимъ опять, что въ приведенныхъ положеніяхъ есть доля правды, но дѣлаемые изъ нея выводы частію односторонни, частію преувеличенны. Русскій народъ дѣйствительно создалъ обширнѣйшее государство на землѣ; онъ искони отличался любовію и довѣріемъ къ власти; его нельзя не назвать великимъ по его выносливости, терпѣнію и беззавѣтной преданности церкви, царю и родинѣ. Это вытекаетъ болѣе всего изъ основной его черты—религіозности. Но это не должно отводить намъ глаза отъ обратной стороны дѣла, лежащей въ томъ, что славяне вообще страдаютъ неспособностью къ организаціи, недостаточнымъ развитіемъ личной иниціативы и дѣятельности а, въ политической области, они вообще доселѣ проявляли болѣе пассивныхъ, нежели активныхъ добродѣтелей. Правда, что самыя внѣшнія условія были до сихъ поръ противъ нихъ, и что они стояли, по своему умственному развитію, на болѣе низкомъ

уровнѣ, чѣмъ ихъ старшіе братья, романскіе и германскіе народы [1]).

Въ заключеніе мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ: Россія во многихъ отношеніяхъ можетъ быть названа особеннымъ міромъ; во всякомъ случаѣ она отличается болѣе отъ остальной Европы, чѣмъ отдѣльные ея народы другъ отъ друга. Это объясняется не только ея обширностью и положеніемъ среди двухъ міровъ: европейскаго и азіатскаго, но и иными условіями ея исторической жизни: принятіемъ христіанства не отъ Рима, а отъ Византіи, многовѣковою ея борьбою съ азіатскими хищниками, долгимъ обособленіемъ отъ Европы и проч. Но русскіе, какъ и славяне вообще, члены великой европейской семьи народовъ во 1-хъ, вслѣдствіе того, что они христіане, и во 2-хъ, потому, что они, какъ и романцы и германцы, принадлежатъ къ арійцамъ и одарены общими имъ всѣмъ способностями.

Поэтому международное право, хотя и выросло на почвѣ западной Европы, не можетъ быть для Россіи и для славянскихъ народовъ чѣмъ либо чуждымъ и еще болѣе—враждебнымъ, но оно, уважая и признавая ихъ особенности, соединяетъ всѣ христіанскіе народы въ одну живую и великую семью.

IV.

Отношеніе Международнаго Права къ различнымъ областямъ человѣческой мысли и дѣятельности.

Въ настоящей главѣ намъ предстоитъ разсмотрѣть во 1-хъ отношеніе Международнаго Права къ ближайшимъ къ нему и съ нимъ наиболѣе сродственнымъ наукамъ, т. е. къ отдѣльнымъ отра-

---

[1]) При изложеніи этой теоріи объ особенностяхъ славянскаго культурнаго типа и о противоположности его типу германо-романскому мы слѣдовали *Данилевскому*. „Россія и Европа". Изд. 3-е, Страхова. 1888. Въ этомъ сочиненіи много интереснаго матеріала по затрогиваемому имъ вопросу, а равно о сущности и законахъ развитія цивилизаціи вообще, но оно грѣшитъ нерѣдко искусственностію и натяжкою многихъ выводовъ. Пункты различія между Востокомъ и Западомъ въ немъ преувеличиваются, вопреки совокупности историческихъ событій, а пункты согласія и родства нерѣдко ослабляются или умалчиваются. Авторъ строгій націоналистъ и, отвергая обще-человѣческій характеръ европейской цивилизаціи, онъ косвенно чрезъ это отрицаетъ и международное право.

слямъ *правовѣдѣнія* и во 2-хъ къ такимъ областямъ знанія и практической дѣятельности человѣка, которыя, хотя и болѣе отъ него отдалены, но все таки стоятъ съ нимъ въ извѣстной живой связи.

I.

Отношеніе Международнаго Права къ другимъ отраслямъ Правовѣдѣнія.

По предмету своему Международное Право относится къ *общественнымъ* наукамъ, или къ области *Правовѣдѣнія* въ широкомъ смыслѣ слова. Говоря точнѣе, оно составляетъ обширную, самостоятельную часть *права публичнаго*, предметомъ своимъ имѣющаго *государство*, законы его существованія и развитія. Изучать нашъ предметъ можно и должно лишь *послѣ* всѣхъ другихъ отраслей права, не только потому, что онъ сталъ слагаться въ самостоятельную систему права гораздо позднѣе ихъ, но и особенно потому, что логически онъ является какъ бы *общимъ* ихъ *завершеніемъ*, давая, своими принципами и идеями, каждому изъ нихъ болѣе прочное обоснованіе, а на практикѣ самое полное и широкое примѣненіе. Въ этой прямой органической связи международнаго права со всѣми остальными областями права нельзя не видѣть главнаго внутренняго доказательства въ пользу *юридическаго* характера его нормъ. Но это *сродство* и логическое между ними единство не исключаетъ, съ другой стороны, *самостоятельности* международнаго права, какъ науки. Оно имѣетъ *собственныя*, лишь ему присущія, *цѣли* и *задачи*, осуществленіе которыхъ даетъ ему возможность завершить собою, подобно куполу, все величественное зданіе правовѣдѣнія и сложиться самому въ особую, стройную и богатую науку. Отсюда понятно и то, что международное право, заключая собою циклъ юридическихъ наукъ, въ свою очередь само развивается постояннымъ совершенствованіемъ каждой изъ нихъ. Оно растетъ, хотя медленно, но неуклонно въ уровень укрѣпленію и расширенію юридическаго сознанія человѣчества. Всѣ народы призваны работать надъ нимъ, ибо всѣ они одинаково заинтересованы въ его существованіи [1]).

[1]) Это заставило *Гегерка* написать слѣдующія слова. „кто нарушаетъ Международное Право, лишаетъ себя человѣчности; оно есть ничто иное, какъ проявленіе

Разсмотримъ же теперь въ частности пункты соприкосновенія нашего предмета съ другими сферами права.

1. Ближе всего оно стоитъ къ *праву государственному*, изучающему также жизнь государства, но только съ *внутренней* стороны. Въ извѣстномъ отношеніи международное право вытекаетъ изъ него, но въ другомъ оно является необходимымъ къ нему добавленіемъ, исправленіемъ и расширеніемъ. Поэтому изученіе его требуетъ предварительнаго основательнаго знакомства, какъ съ общимъ, *философскимъ государственнымъ правомъ*, такъ и еще болѣе съ *положительнымъ государственнымъ правомъ западныхъ народовъ*, иначе пониманіе нашего предмета будетъ лишено конкретной реальной почвы. Всего нужнѣе это именно у насъ, гдѣ политическія науки находятся еще болѣе чѣмъ въ зародышѣ и нельзя не пожалѣть, что университетскій уставъ 1884 г. совершенно ими пренебрегаетъ и выдвигаетъ для юристовъ лишь цивилистическую сторону образованія.

Живыя и многосторонніе связи соединяютъ международное право съ государственнымъ и поэтому всякое одностороннее изученіе котораго либо изъ нихъ будетъ всегда, въ научномъ отношеніи, и неполнымъ и недостаточнымъ. Справедливо установилъ тутъ основную точку зрѣнія Оппенгеймъ, сказавъ, что: *лишь въ международномъ правѣ проявляется и раскрывается вполнѣ самая идея государства* [1]).

Въ самомъ дѣлѣ лишь на почвѣ международнаго права *суверенитетъ*—этотъ основной принципъ государственнаго—получаетъ свое настоящее *юридическое* обоснованіе и освѣщеніе. Въ силу этого: власть государства признается, по отношенію къ его собственной территоріи, высшею, верховною, но *не абсолютною*, какъ доселѣ, совершенно неосновательно утверждаетъ большинство государственниковъ. Они впадаютъ въ эту ошибку именно потому, что видятъ въ самомъ государствѣ высшій державный союзъ людей на землѣ вообще [2]). Послѣдовательное проведеніе этого воз-

---

справедливости и нравственности въ самыхъ большихъ размѣрахъ какіе намъ извѣстны на землѣ". (*Gagern.* Kritik des Volkerrechts. 1840).

[1]) Nur im Volkerrecht wird die Staatsidee vollendet. (*Oppenheim.* System des Volkerrechts. 2-oe изд. 1866).

[2]) Такъ поступаетъ напр., въ своихъ сочиненіяхъ *Чичеринъ*, признающій только четыре формы человѣческаго общежитія· семейство, гражданское общество, церковь и государство, господствующее надъ всѣми остальными.

зрѣнія ведетъ къ идеѣ единаго всемірнаго государства, но это въ принципѣ противорѣчитъ понятію не только международнаго союза, но и самого государства. Послѣднее, какъ мы уже говорили, по своей природѣ и будучи человѣческимъ учрежденіемъ не абсолютно. Ниже мы еще вернемся къ этой мысли, но здѣсь приведемъ глубоко—вѣрныя слова Блюнчли: «суверенитетъ не обозначаетъ абсолютной независимости или безграничной свободы государствъ, потому что они сами не абсолютныя существа, а юридически—ограниченныя личности» [1]).

Государства, въ свою очередь, входятъ въ составъ Международнаго Союза. Это не отрицаніе ихъ природы и назначенія, а напротивъ новое условіе для нихъ, чтобы жить высшею и болѣе широкою жизнію. Отсюда тотъ выводъ, что: всѣ основныя начала государственнаго права подтверждаются и развиваются въ правѣ международномъ, но послѣднее, имѣя своею цѣлію благосостояніе всего союза государствъ или цѣлаго человѣчества стоитъ выше произвола отдѣльныхъ государствъ [2]) уже потому, что оно, служа выраженіемъ правосознанія всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, призвано установить юридическій порядокъ для ихъ общей и совмѣстной жизни.

Итакъ, въ свѣтѣ международнаго права, государства представляются не союзами абсолютными и самодовольными, а, въ свою очередь, членами высшаго цѣлаго—человѣчества; суверенитетъ ихъ, какъ принципъ права, ограниченъ. Отсюда понятны дальнѣйшіе, въ практическомъ отношеніи, очень важные выводы: между государствами не терпимы изолированность и вражда; внутренняя жизнь каждаго изъ нихъ должна быть свободна и невмѣшательство одного государства во внутреннія дѣла другаго является и основнымъ правиломъ международнаго порядка, въ предѣлахъ котораго получаютъ право на существованіе различныя формы политическаго устройства государствъ. Здѣсь нужно строго разграничивать соприкасающіяся области государственную и международную: нельзя одобрить ни перенесенія государствен-

[1]) *Bluntschli.* Völkerrecht.

[2]) Gegen das Völkerrecht, говоритъ Блюнчли, kann sich kein Staat auf seine Souveränetät berufen, weil die Grundlage des Volkerrechts nicht die Willkür der Staaten ist sondern die Gemeinschaft der Menschheit. (Тамъ-же).

ныхъ принциповъ на почву международную, какъ пытался это дѣлать легитимизмъ, ни поддержки какихъ либо государственныхъ порядковъ международными мѣрами (напр. гарантіи извѣстной формы правленія или династіи).

Такимъ образомъ государства, вступая въ международный союзъ, отказываются отъ нѣкоторой доли своего полновластія; но безъ такого самоограниченія немыслимъ никакой союзъ. За то они дѣлаютъ это прежде всего въ собственныхъ, разумно понимаемыхъ интересахъ: укрѣпленіе международнаго порядка послѣдствіемъ своимъ имѣетъ и большую прочность мира и свободы для тѣхъ государствъ, которыя его поддерживаютъ: лишь на международной почвѣ можно ожидать устраненія одного изъ величайшихъ золъ политической жизни нашихъ дней—милитаризма, все болѣе и болѣе разъѣдающаго внутреннее благосостояніе народовъ Европы. Съ точки зрѣнія отдѣльныхъ государствъ эта реформа не осуществима, ибо каждое изъ нихъ, пока будетъ односторонне отстаивать собственные интересы, будетъ всегда полно недовѣрія и вражды къ остальнымъ. Разсѣять эти недоразумѣнія и укрѣпить общій миръ и безопасность можетъ только международное право, ясно формулированное и добросовѣстно соблюдаемое.

Достойно вниманія, что проводимая нами здѣсь мысль не есть какое либо пожеланіе только теоріи: она нашла себѣ торжественное выраженіе въ ахенской декларацiи ($^3/_{15}$ ноября 1818 г.), въ которой великія державы заявили о своемъ твердомъ намѣреніи, во всѣхъ сношеніяхъ, какъ между собою, такъ и къ другимъ государствамъ, никогда не уклоняться отъ принциповъ международнаго права, которые болѣе всего способны обезпечить независимость каждаго изъ правительствъ и прочность общей политической системы (т. е. переводя на нашъ языкъ: всего международнаго союза) [1]).

Разумная цѣль каждаго государства, состоящая во всесторон-

---

[1]) Les souverains, en formant cette union auguste, ont regardé comme la base fondamentale leur invariable résolution de ne jamais s'écarter, ni entre eux ni dans leurs relations avec d'autres Etats, de l'observation la plus stricte des principes du droit des gens, principes qui dans leur application à un état de paix permanent, peuvent seuls garantir efficacement l'indépendance de chaque gouvernement et la stabilite de l'association générale.

немъ развитіи силъ и способностей своихъ подданныхъ, можетъ быть достигнута только путемъ международныхъ сношеній, обмѣномъ услугъ и взаимною помощью государствъ, какъ членовъ международнаго союза.

Сводя наши мысли по занимающему насъ теперь вопросу къ одному цѣлому, мы скажемъ: государственное право даетъ намъ ключъ къ точному пониманію природы тѣхъ личностей, которыя живутъ и дѣйствуютъ въ сферѣ международной. Каждая изъ нихъ какъ личность *живая*, является носительницею опредѣленныхъ національныхъ политическихъ идей и поэтому можетъ осуществить лишь извѣстныя, ей исторіей намѣченныя задачи. Но, признаваемыя въ этой своей самостоятельности, государства должны, какъ и индивиды, не посягать на права другихъ, имъ подобныхъ политическихъ тѣлъ, но, въ союзѣ съ ними, стремиться къ болѣе полному достиженію и собственнаго назначенія и благосостоянія всѣхъ членовъ этого союза.

Отсюда далѣе можно понять черты сходства и различія между порядкомъ государственнымъ и международнымъ.

Какъ государство, такъ и международный союзъ суть формы человѣческаго общежитія. Подобно тому, какъ въ государство входятъ, въ качествѣ его членовъ, отдѣльныя личности и различныя общественныя группы, такъ и международный союзъ слагается изъ своихъ членовъ, государствъ и извѣстныхъ ихъ соединеній. Въ обѣихъ областяхъ части сохраняютъ свою независимость и индивидуальность, но для лучшаго выполненія собственныхъ, на нихъ падающихъ задачъ, они соединяются въ новое высшее цѣлое, которое регулируетъ ихъ взаимныя положеніе и отношенія нормами права. Тѣмъ всего дѣйствительнѣе устраняется анархія и укрѣпляется миръ и справедливость,—эти верховныя цѣли всякаго сожитія людей на землѣ.

Пункты различія обоихъ порядковъ касаются какъ ихъ существа, такъ и времени возникновенія.

Въ государствѣ существуетъ *верховная власть*, возвышающаяся надъ всѣми членами обитающими его территорію и крѣпкими узами объединяющая ихъ въ одно цѣлое. Выраженіемъ ея воли является *законъ*,—эта высшая форма права. Международный строй не есть повтореніе или воспроизведеніе государственнаго: въ немъ

донынѣ отсутствуетъ надъ членами верховная власть, которая была бы облечена законодательною функціею и опиралась бы на право принужденія. Это представляетъ много выгодныхъ и невыгодныхъ сторонъ: государства, какъ члены великаго общества народовъ, могутъ вслѣдствіе этого жить и развиваться гораздо шире и свободнѣе, чѣмъ индивиды въ ихъ качествѣ—подданныхъ, но за то, съ другой стороны, въ международной области еще много простора для произвола и насилій всякаго рода. Ограничить и, насколько можно, устранить послѣднія призвано международное право, на долю котораго выпадаетъ многотрудная, но великая задача создать постепенно *юридическую организацію для совмѣстнаго существованія независимыхъ государствъ*. Центральная власть международнаго союза—когда таковая со временемъ установится—не должна имѣть ни политическаго, ни національнаго характера, а покоиться на *договорномъ соглашеніи* всѣхъ членовъ этого союза. Нормы однако, имѣющія тогда отт нея исходить, будутъ настоящіе *законы*, для всѣхъ равно обязательные, и само *принужденіе* для извѣстныхъ, крайнихъ случаевъ будетъ допустимо, но, въ отличіе отъ государственнаго, оно получитъ опредѣленный *международный* и *строго-юридическій* характеръ.

Второе различіе заключается во времени возникновенія государственнаго союза и международнаго. Государство мы встрѣчаемъ въ древнѣйшія эпохи человѣчества; безъ нихъ не можетъ быть собственно исторической жизни; международный же союзъ возникаетъ очень поздно: онъ есть продуктъ сложной и наиболѣе совершенной жизни и науки новыхъ народовъ Европы, но, существуя съ небольшимъ три вѣка, онъ доселѣ еще далекъ отъ полноты и завершенія своего развитія [1]).

---

[1]) Для изученія государственныхъ наукъ въ ихъ цѣльности и съ точки зрѣнія ихъ классификаціи и литературы до сихъ поръ не устарѣли классическіе труды Роберта *Моля Mohl.* Encyklopadie der Staatswissenschaften. 2 изд. 1872. — (Русск. пер. Попова, 1868).—Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften. 3 т. 1855—58.— Для ознакомленія съ общимъ государственнымъ правомъ важны: *Bluntschli* Lehre vom modernen Stat. 3 т. 5 изд. 1876.—Сочиненія: Schulze, Gareis, Laband, Iellinek и мн. др. Главнымъ пособіемъ по положительному государственному праву является. *Marquardsen.* Handbuch des offentlichen Rechts. Рядъ монографій извѣстныхъ спеціалистовъ по государственному устройству отдѣльныхъ странъ Европы и Америки Издается съ 1883 г. Русское госуд. право тутъ изложено *Энгельманомъ*. Конституціи

2. Не менѣе важна внутренняя связь международнаго права съ *правами гражданскимъ и уголовнымъ*. Послѣднія находятъ въ немъ, какъ и нормы государственнаго права, свою высшую охрану. Ничто такъ не подтверждаетъ юридической необходимости и природы международныхъ нормъ, какъ то обстоятельство, что онѣ, будучи логически связаны съ положительными нормами всѣхъ другихъ областей права, являются ихъ завершеніемъ, объединеніемъ и высшею формою охраны.

Благодаря чрезвычайно развитымъ сношеніямъ государствъ и частныхъ лицъ въ наши дни, все усиливается необходимость признать за положительными нормами конкретнаго государства (за его законами и судебными рѣшеніями) дѣйствіе *внѣземельное*, т. е. простирающееся, смотря по обстоятельствамъ, на территорію другихъ странъ. Это невозможно безъ взаимныхъ соглашеній между заинтересованными сторонами, а соглашенія эти, какъ таковыя, требуютъ принциповъ международнаго права.

Но, допустивъ на одной и той же территоріи совмѣстное дѣйствіе, въ извѣстныхъ случаяхъ, законовъ различныхъ государствъ, мы должны предвидѣть и всегда возможное на практикѣ *столкновеніе* между ними. Эти коллизіи положительныхъ законовъ одного государства съ таковыми же другаго, могутъ быть лучше и справедливѣе всего устраняемы международнымъ правомъ. Оно старается, изъ природы вещей и отношеній, вывести тѣ нормы, ко-

---

всѣхъ государствъ Европы и Америки собраны у *Dareste*. Les constitutions modernes. Recueil des constitutions en vigueur dans les divers Etats d'Europe, d'Amerique et du monde civilisé 1883.—Спеціально нѣмецкія конституціи изданы въ 1884 г. *Stoerk*. Ср. еще *Книга о книгахъ* 1892. Отдѣлъ „Государственное Право," ч. I, стр. 220, сл.

Въ *русской* литературѣ заслуживаютъ вниманія. *Чичеринъ*. Исторія политическихъ ученій. 4 т. 1869—77. Нельзя не пожалѣть, что это сочиненіе, столь прекрасное, написано по чисто апріорному, философскому методу, нигдѣ не останавливается на связи политическихъ ученій съ дѣйствительною жизнію государствъ и что оно доведено только до Гегеля включительно.—*Его-же*. О народномъ представительствѣ; 1866; и Собственность и государство 2 т. 1882—83 (послѣднее сочиненіе направлено преимущественно противъ ученія современнаго соціализма).—Гораздо бѣднѣе наша литература по части положительнаго государственнаго права Здѣсь можно указать: *Градовскій*. Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ. 1886. Къ сожалѣнію, вышла только первая часть—историческая. *Коркуновъ*. Сравнительный очеркъ государственнаго права иностранныхъ державъ. Часть I: Государство и его элементы. 1890. Благодаря сочиненію *Градовскаго* и переведеннымъ на нашъ языкъ трудамъ *Брайса* и *Дайси* русскій читатель имѣетъ теперь возможность ознакомиться съ политическимъ строемъ Германіи, С. Штатовъ и Англіи.

торыя призваны разрѣшить указанныя противорѣчія. При этомъ оно либо разъ навсегда опредѣляетъ: законъ какой стороны долженъ дѣйствовать въ каждомъ конкретномъ отношеніи, либо старается отыскать начала, способныя исправить или дополнить положительные законы отдѣльныхъ странъ. Такъ возникло *частное международное право* [1]), какъ особая отрасль международнаго. Въ немъ нельзя видѣть, какъ дѣлаютъ многіе, лишь часть гражданскаго или уголовнаго права извѣстной страны: оно есть, въ смыслѣ положительнаго права, необходимое къ нимъ дополненіе и покоится на самостоятельномъ принципѣ юридическаго общенія государствъ, требующаго признанія равенства ихъ законодательствъ. Поэтому нормы его никакъ нельзя сводить къ взаимной лишь уступчивости правительствъ (Konzessionen der Staaten in Bezug auf die Gesetzgebung und Justiz, по Бульмерингу), или къ международной вѣжливости (comitas gentium, какъ дѣлаетъ это Филлиморъ). Признаніе ихъ составляетъ для государствъ такую же *юридическую обязанность*, какъ и признаніе принциповъ публичнаго международнаго права. Обѣ эти отрасли покоятся, какъ мы сейчасъ сказали, на высшемъ объединяющемъ ихъ принципѣ *общенія*. Будучи сравнительно новою, наука частнаго международнаго права такъ быстро развивается и матеріалъ, подлежащій ея обработкѣ, требуетъ столь опытнаго и изощреннаго въ юридическомъ мышленіи ума, что нельзя не пожалѣть о томъ, что преподаваніе ея не поручается въ университетахъ особымъ спеціалистамъ. Какъ интернаціоналисты, такъ и цивилисты для этого мало способны: отвлекаясь своею болѣе прямою спеціальностію, тѣ и другіе склонны отводить частному международному праву въ своемъ преподаваніи лишь мѣсто второстепенное и даже, особенно цивилисты, придавать ему невѣрное принципіальное освѣщеніе и постановку. А между тѣмъ оно такъ богато оригинальными задачами и, содѣйствуя бо̀льшему сближенію кодексовъ и законовъ отдѣльныхъ странъ, призвано, быть можетъ ранѣе и дѣйствительнѣе публичнаго права, скрѣпить между послѣдними настоящій юридическій порядокъ [1]).

[1]) По мнѣнію Лорана терминъ Droit civil international употребилъ впервые Порталисъ въ одной академической рѣчи, произнесенной имъ въ 1803 г.

[1]) Съ 1874 г. адвокатомъ *Clunet* издается въ Парижѣ особый журналъ, *Journal du droit international privé et de la jurisprudence comparée*, посвященный вопро-

Конечный идеалъ такого порядка состоитъ въ томъ, что̀ еще Кантъ называлъ «всемірнымъ гражданствомъ» (Weltbürgerrecht) т. е. въ признаніи повсюду на землѣ правъ человѣческой личности, согласно съ словомъ Гефтера, что «земля есть общее отечество всѣхъ людей», но уже теперь между цивилизованными государствами все болѣе и болѣе допускается, на ихъ территоріи, дѣйствіе иностранныхъ законовъ и судовъ, конечно съ разрѣшенія мѣстнаго правительства и въ границахъ имъ указываемыхъ. Вслѣдствіе этого, частныя лица, покидая свое отечество, остаются и за-границей въ извѣстной зависимости отъ его законовъ. Иностранцы допускаются болѣе или менѣе свободно повсюду и многочисленные трактаты уравниваютъ ихъ, въ гражданскомъ отношеніи, съ природными подданными. Лишь въ послѣдніе годы, на основаніи принциповъ крайняго національнализма и протекціонализма, правительства стали принимать противъ нихъ различныя стѣснительныя и запретительныя мѣры. Но однако, по существу такія мѣры всегда и вездѣ должны носить характеръ исключительный, т. е. мѣстный, или временной.

Далѣе, въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ, суды различныхъ государствъ оказываютъ другъ другу содѣйствіе въ высшихъ интересахъ правосудія: они другъ другу помогаютъ въ дѣлѣ раскрытія истины, удостовѣренія фактовъ и т. п. и даже даютъ разрѣшеніе на приведеніе въ исполненіе, въ подвѣдомственномъ имъ округѣ, приговоровъ иностранныхъ судовъ. Конечно многое тутъ еще находится, какъ увидимъ ниже, въ состояніи зародыша, но, безспорно, солидарность между органами правосудія цивилизованныхъ странъ должна со временемъ также усилиться, какъ и сродство и общность между ихъ законодательствами. Къ этому неудержимо толкаютъ самые существенные интересы всемірнаго гражданскаго оборота нашихъ дней.

самъ частнаго международнаго права. Въ немъ принимаютъ участіе спеціалисты по этому предмету всѣхъ цивилизованныхъ странъ. По богатству научнаго и особенно практическаго матеріала это одинъ изъ лучшихъ юридическихъ журналовъ вообще.

Въ 1890 г. сталъ издавать такой же журналъ *Бемъ*, въ Нюрнбергѣ *Böhm* Zeitschrift fur internationales Privat—und Strafrecht mit besonderer Berucksichtigung der Rechtshilfe.

Указываемое взаимодѣйствіе между государствами еще важнѣе, чѣмъ въ гражданскомъ правѣ, въ области *уголовнаго*. Здѣсь рѣчь идетъ объ охранѣ наиболѣе существенныхъ правъ, какъ цѣлаго общества, такъ и отдѣльной личности. Но какъ бы ни были совершенны уголовные законы извѣстной страны, они часто, на практикѣ, окажутся не полными и безсильными, если не получатъ международной санкціи. Чѣмъ легче становятся для лицъ въ нашъ вѣкъ перемѣны мѣстожительства, тѣмъ болѣе открывается и возможность для преступниковъ уйти отъ карающей руки правосудія. Общая безопасность очевидно сильно потрясется, если мы захотимъ построить уголовное законодательство на одномъ территоріальномъ началѣ. Вотъ почему государства давно уже признали для себя обязательною взаимную *выдачу* преступниковъ. Это преимущественно принципъ международный. Правда, онъ вытекаетъ изъ самыхъ элементарныхъ понятій уголовнаго права, но, съ другой стороны, практическое осуществленіе онъ получаетъ только въ сферѣ международнаго союза [1]). Только онъ и долженъ дѣйствовать въ предѣлахъ международныхъ началъ, т. е. обсуждаться по принципамъ не того или иного правительства, а международнаго права и прилагаться либо къ преступленіямъ чисто международнымъ (нарушеніямъ запрещеній относительно торговли неграми, правъ посланниковъ, постановленій Женевской конвенціи и т. п.), либо къ преступленіямъ обще-человѣческимъ, не измѣняющимся по различію религіи или государственныхъ формъ. Что же касается до наиболѣе спорныхъ преступленій,—политическихъ и съ ними связанныхъ (connexes), то тутъ всего умѣстнѣе была бы юрисдикція международная, наиболѣе безпристрастная и способная дѣйствовать по однимъ лишь соображеніямъ справедливости.

Впрочемъ международное право не только приноситъ пользу другимъ сферамъ положительнаго права, углубляя и расширяя ихъ нормы; оно, съ своей стороны, много заимствуетъ отъ нихъ и также, при ихъ помощи, становится болѣе дѣйствующимъ пра-

---

[1]) Эту сторону его хорошо освѣтилъ Руэ въ одной рѣчи своей 1866 г „принципъ выдачи есть принципъ солидарности и взаимнаго застрахованія правительствъ и народовъ противъ всеобщности зла“, (contre l'ubiquité du mal).

вомъ на практикѣ. Наиболѣе юридическіе его отдѣлы (все ученіе о трактахъ, о способахъ пріобрѣтенія и потери территоріи) опираются на принципы гражданскаго права, конечно съ тѣми видоизмѣненіями, которыя требуются самою его природою, какъ права публичнаго. Вопросы, связанные съ выдачею преступниковъ и съ наиболѣе тяжкими формами нарушенія международныхъ нормъ, тѣсно соприкасаются съ областью уголовнаго права. Наконецъ все ученіе о правахъ государствъ, ихъ возникновеніи и прекращеніи, о правахъ ихъ подданныхъ и все что съ этимъ соединяется (о натурализаціи, эмиграціи, подданствѣ и проч.), стоитъ въ самой тѣсной связи съ идеями и нормами государственнаго права, какъ философскаго, такъ и положительнаго. Кромѣ того, правительство своими законами, распоряженіями и дѣйствіями придаетъ международнымъ нормамъ практическую санкцію на подвластной имъ территоріи и по отношенію къ собственнымъ подданнымъ.

Наиболѣе плодотворное изученіе положительныхъ нормъ права должно держаться *историко-сравнительнаго метода*. Такъ возникла въ послѣднее время наука *сравнительнаго законовѣдѣнія*. Она чрезвычайно важна и для интернаціоналиста. Цѣль ея—раскрыть общую связь между различными положительными законодательствами и указать на причины и пункты какъ сходства между ними, такъ и различія. Намъ нечего доказывать, почему именно этимъ сравнительнымъ путемъ должны быть изучаемы и трактаты, и положительные законы государствъ: въ тѣхъ и другихъ прежде всего сказываются юридическія потребности и воззрѣнія народовъ. Между трактатами и законами существуютъ многообразныя и живыя связи. Часто издаются законы сообразные съ трактатами и наоборотъ заключаются послѣдніе для дальнѣйшаго развитія и осуществленія первыхъ.

Вотъ почему, прежде чѣмъ переходить къ теоретическому анализу какого либо международнаго начала, слѣдуетъ задаться вопросомъ, поскольку таковое соотвѣтствуетъ правосознанію международнаго союза или извѣстной группы его членовъ? А отвѣчать на это можно только послѣ того, какъ будетъ сдѣланъ обзоръ современному положенію поднятаго вопроса по *трактатамъ* и по *внутреннимъ законамъ* отдѣльныхъ государствъ. Теоретическія разсужденія, опирающіяся лишь на такую почву, могутъ разсчитывать

на то, что они болѣе или менѣе перерабатываютъ *положительный* матеріалъ и стараются отвѣтить на *дѣйствительные* запросы и нужды жизни. Такъ и смотрятъ на свою задачу большинство писателей по нашему предмету [1]).

II.

Отношеніе Международнаго Права къ различнымъ вспомогательнымъ предметамъ.

За *юридическими* науками для насъ важны науки *экономическія* и *политическія*. Первыя, хотя отчасти, читаются въ нашихъ университетахъ, но вторыя, къ сожалѣнію, совершенно отсутствуютъ.

Безъ знакомства съ основными положеніями *политической экономіи*, нельзя, какъ должно, понять экономическую политику государствъ, а между тѣмъ мы знаемъ, какъ экономическіе интересы способны связать или разъединить цѣлые народы. Отъ этого, въ значительной степени зависятъ существованіе между ними добрыхъ политическихъ отношеній и даже упроченіе общаго мира.

Долгое время, и въ наукѣ, и въ обществѣ, полагали будто въ сферѣ хозяйственныхъ отношеній должна господствовать безпощадная война всѣхъ противъ всѣхъ, будто, другими словами, обогащеніе одного государства должно зиждиться на обѣднѣніи другихъ. Меркантилизмъ и прежняя колоніальная потитика покоились на этой идеѣ эксплуатаціи одной страны другою, метрополіею—своихъ колоній. Эта теорія,—хотя отголоски ея доходятъ до нашего вре-

---

[1]) За послѣднія десятилѣтія въ Парижѣ возникло спеціальное *общество* для изученія *сравнительнаго законодательства*. Оно успѣло обратить на себя общее вниманіе своими прекрасными трудами: съ 1869 г. оно основало свой органъ: *Bulletin* de la Société de Législation comparée, въ которомъ печатаются краткіе періодическіе обзоры парламентскихъ работъ (у разныхъ народовъ) по части законодательствъ, разборы новыхъ сочиненій и научныя статьи. Затѣмъ оно печатаетъ два ежегодныхъ систематическихъ обозрѣнія *новыхъ законовъ*, выходящихъ какъ за-границею (Annuaire de législation étrangère съ 1873 г.), такъ и во Франціи (Annuaire de législation française съ 1882) и издаетъ отъ времени до времени *главнѣйшіе европейскіе кодексы* (Collection des principaux Codes étrangers) въ прекрасныхъ переводахъ и съ различными поясннтельными примѣчаніями.

мени и даже снова усилились за послѣдніе годы,—обозначаетъ въ сущности, на почвѣ хозяйственной, международную анархію, при господствѣ которой никакой прочный юридическій порядокъ не мыслимъ. Болѣе серьезное размышленіе наводитъ на необходимость инаго, лучшаго порядка. Во-первыхъ, *торговля*, по своему существу, не можетъ быть пріурочена къ національнымъ особенностямъ того, или инаго народа; она, по идеѣ, космополитична и торговыя отношенія, гораздо болѣе другихъ гражданскихъ, свободны отъ религіозныхъ, политическихъ, національныхъ и иныхъ воззрѣній людей и развиваются они тѣмъ быстрѣе и шире, чѣмъ совершеннѣе становятся пути и средства передвиженія и сношеній между людьми. Обширность рынковъ всегда отражается и на поднятіи національнаго благосостоянія каждаго конкретнаго государства. Еще до конца прошлаго столѣтія правительства стремились на перерывъ выговаривать себѣ другъ у друга торговыя монополіи. Позднѣе, послѣднія стали отмѣняться и явилась формула о правахъ наиболѣе благопріятствуемой націи. Теперь большіе торговые обороты носятъ всемірный характеръ и для мирнаго состязанія народовъ, въ области наукъ, торговли и промышленности, открывается все болѣе широкое поприще. Какая рѣзкая противоположность съ средними вѣками, когда преграды самаго разнообразнаго свойства останавливали движеніе путешественниковъ и товаровъ почти на каждомъ шагу!

Во-вторыхъ, то же явленіе, какъ и по отношенію къ торговлѣ, наблюдается и въ сферѣ *производства*. И тутъ по немногу прокладываетъ себѣ дорогу истина, что благосостояніе народовъ зависитъ не отъ враждебной между ними конкуренціи, не отъ эксплуатаціи слабыхъ сильнѣйшими, а отъ великаго закона раздѣленія труда, смотря по силамъ и способностямъ трудящихся (въ данномъ случаѣ—народовъ) и въ гармоническомъ направленіи его къ общему высшему благу (хозяйственному) всѣхъ. Такимъ образомъ въ международной области зарождается и постепенно расширяется идея *міроваго хозяйства*. Оно является распространеніемъ и охраною народныхъ хозяйствъ (отдѣльныхъ государствъ), какъ эти въ свою очередь слагаются изъ хозяйствъ частныхъ и различныхъ общинъ, корпорацій и т. д.

Въ виду указанной зависимости торговыхъ оборотовъ скорѣе

отъ ихъ внутренней природы, нежели отъ политическихъ и національныхъ условій, многіе, не безъ основанія, допускаютъ возможность, *единаго, международнаго, торговаго законодательства.* Уже теперь установилась, по крайней мѣрѣ между нѣкоторыми цивилизованными государствами, международная охрана промышленной собственности (патентовъ на изобрѣтеніе, фабричныхъ клеймъ), перевозки товаровъ по желѣзнымъ дорогамъ Европы; сдѣлана попытка объ улучшеніи, путемъ международныхъ соглашеній, положенія рабочихъ и т. д. Сюда же должно отнести мысли: о кодификаціи вексельныхъ законовъ, о введеніи единой, міровой монеты. Всѣ эти и подобные акты и проекты, само собою разумѣется, не призваны подрывать независимости и особенности народовъ, въ области экономическихъ интересовъ, но дать имъ, чрезъ вступленіе на международную почву, и болѣе широкое развитіе и болѣе прочную, мирную охрану. Основнымъ принципомъ и тутъ является *свобода* (торговли и производства), но понимаемая въ смыслѣ не безъусловномъ, а юридически—ограниченномъ, и со стороны національной и со стороны международной.

Намъ думается, что рѣшеніе многихъ жгучихъ и сложныхъ политико—экономическихъ вопросовъ нашего времени (объ отношеніяхъ труда къ капиталу и объ охранѣ рабочихъ; о колоніяхъ, объ эмиграціи и подданствѣ, о регулированіи производства и борьбѣ вообще съ пролетаріатомъ и проч.) подвинется на практикѣ гораздо болѣе впередъ, если государства рѣшатся наконецъ выдти изъ своей узкой, національной политики на болѣе широкое и плодотворное поприще совмѣстныхъ изысканій, соглашеній и мѣръ, подобно тому напр. что дѣлаютъ они въ Африкѣ въ борьбѣ своей противъ закрѣпощенія и продажи людей черной расы.

Весьма важно опредѣлить отношеніе международнаго права къ *политикѣ.* Долгое время послѣднюю отождествляли вообще съ наукою о государствѣ; такъ понимали ее и древніе. Въ наше время ее справедливо выдѣляютъ изъ круга остальныхъ отраслей государствовѣдѣнія въ самостоятельную науку [1]), и видятъ въ

---

[1]) Поэтому нельзя согласиться съ тѣми писателями, которые какъ напр. *Сергѣевичъ* (Задача и метода госуд. наукъ, 1871) и *Ренненкампфъ* (Юридическая Энциклопедія, 1889), отвергаютъ научную самостоятельность политики.

ней ученіе о средствахъ, которыми лучше всего, въ дѣйствительной жизни, достигаются цѣли государства.

Отсюда пункты ея соприкосновенія и различія съ правомъ: она исходитъ отъ идеи *общаго блага*, которая, въ приложеніи къ конкретнымъ государствамъ, выражается въ ихъ *жизненныхъ интересахъ*. Право же покоится на принципѣ *справедливости*, этомъ краеугольномъ камнѣ всякаго общежитія. Справедливость мы понимаемъ тутъ не въ отвлеченномъ и абсолютномъ смыслѣ, а сообразно съ представленіемъ о ней даннаго общества опредѣленной эпохи.

Политика имѣетъ прежде всего дѣло съ *реальными силами* и интересами государствъ: она должна изучать проявленіе этихъ элементовъ въ народахъ и въ ихъ руководящихъ личностяхъ такими, какими они выступаютъ въ дѣйствительной жизни и среди всѣхъ вліяющихъ на нихъ условій. Жизнь права, напротивъ, воплощается въ твердыхъ *нормахъ* и *институтахъ*. Оно указываетъ политикѣ *принципы* и *границы* ея дѣйствія. Политика вноситъ богатое *содержаніе* въ жизнь государствъ и отличается *условнымъ характеромъ* своихъ предписаній, предоставляя людямъ, въ границахъ намѣченныхъ правомъ, выборъ *различныхъ путей* для достиженія своихъ цѣлей. Поэтому, въ идеѣ, столкновенія между политикой и правомъ не должны существовать [1]): и то, и другое, въ конечномъ результатѣ стремятся къ высшему благу людей, живущихъ въ государствахъ, но идутъ къ этой цѣли различными путями и съ разныхъ сторонъ. Столкновенія, о которыхъ мы говоримъ, возникаютъ большею частію либо изъ недоразумѣній и поверхностнаго отношенія къ дѣлу, либо же изъ своекорыстныхъ, недобрыхъ цѣлей тѣхъ, кто въ данное время держитъ кормило правленія въ своихъ рукахъ.

Политика, какъ наука, обнимаетъ одинаково внутреннюю и внѣшнюю жизнь государствъ. Но въ послѣдней области она имѣетъ

---

[1]) Противорѣчія между политикой и международнымъ правомъ, говоритъ Гефтеръ, хотя и встрѣчаются нерѣдко на практикѣ, не должны бы однако, по существу дѣла, существовать, ибо правда одна и не можетъ сама себѣ противорѣчить. Нравственно-правильная политика никогда не можетъ одобрить того, что осуждается международнымъ правомъ, и, съ другой стороны, послѣднее должно признавать все, требуемое политикой въ интересѣ существованія государствъ.

въ виду не только выгоды отдѣльныхъ народовъ, но и благо всего человѣчества.

Иное должно сказать о политикѣ понимаемой въ смыслѣ *практическомъ*, какъ *искусство* управленія конкретнымъ государствомъ. Тутъ возникаютъ указанныя ея коллизіи съ правомъ, но не только международнымъ, но и государственнымъ. Девизомъ этой политики долго признавалось, по замѣчанію Бульмеринга [1]), что «сила попираетъ право». Между тѣмъ истина заключается въ противоположномъ правилѣ: «право господствуетъ надъ силой». Лишь медленно, постепенно и среди вѣчныхъ колебаній, но истина эта прокладываетъ себѣ понемногу дорогу въ жизни государствъ нашего времени, сперва внутренней, а потомъ уже внѣшней.

Въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи мы имѣемъ въ виду политику въ этомъ послѣднемъ, *практическомъ* смыслѣ. Тутъ основнымъ ея принципомъ провозглашается *государственный интересъ*, который прежде понимался въ *династическомъ* смыслѣ, а позднѣе и въ наше время, въ смыслѣ *національномъ*. Безспорно, что политика каждой страны должна быть національна; справедливо также, что національные интересы народовъ часто между собою расходятся и враждебно сталкиваются, но не слѣдуетъ никогда забывать, что надъ всѣми интересами людей возвышается и царитъ *право*, которое, въ силу своей *нравственной природы*, проникаетъ и опредѣляетъ всѣ сферы внѣшней свободы человѣка, живущаго въ обществѣ. Самое прочное и плодотворное развитіе національныхъ интересовъ, въ концѣ концовъ, не мыслимо внѣ почвы и охраны права, отсутствіе или даже слабость котораго ведетъ прямо къ анархіи. Практическіе люди, къ сожалѣнію, слишкомъ склонны забывать эту истину и держаться принциповъ *макіавелизма*. Не даромъ это ученіе, принесшее людямъ столько зла, получило свое имя отъ флорентійца, положившаго начало наукѣ о государствѣ въ новое время. Что бы ни говорили его защитники [1]), все его

---

[1]) *Bulmerincq.* La politique et le droit dans la vie des Etats (Revue de di. inter. 1877, p. 361—379).

[1]) Къ нимъ принадлежитъ и г. *Алексѣевъ*, авторъ талантливой, но тенденціозной книги: „Макіавелли, какъ политическій мыслитель“, 1880 г.—По его мнѣнію правило „цѣль оправдываетъ средства“ господствуетъ у Макіавелли лишь будто бы въ тѣхъ случаяхъ, когда въ государствѣ перестаетъ существовать законный (?) порядокъ, такъ

ученіе сводится къ принципу: «цѣль оправдываетъ средства». Оно логически вытекаетъ изъ всего строя и направленія его политической доктрины. Всѣ начала нравственности и права Макіавелли подчиняетъ соображеніямъ цѣлесообразности и пользы. По его мнѣнію государство (будь то республика или монархія), стремящееся къ независимости и могуществу, должно отбросить всѣ постороннія соображенія, идти прямо къ цѣли, безъ сентиментальныхъ помышленій о правдѣ и правѣ, потому что успѣхъ его уже самъ по себѣ сдѣлаетъ его великимъ. Такой слѣпой культъ успѣха подрываетъ самыя основы нравственности и общежитія, но тѣмъ не менѣе это ученіе, изложенное Макіавелли съ большою ясностію и знаніемъ тогдашней политической практики Италіи и другихъ странъ, имѣло громадный успѣхъ и пользовалось почти исключительнымъ господствомъ при всѣхъ европейскихъ дворахъ, особенно въ періодъ процвѣтанія династической политики. Между тѣмъ оно имѣло на развитіе международныхъ сношеній самое пагубное вліяніе и должно быть, въ области политики, приравниваемо къ іезуитизму въ религіозной сферѣ.

Отголоски этого ученія нерѣдко слышатся и въ наши дни. До сихъ поръ, говоритъ Бульмерингъ, политическіе интересы стоятъ ближе къ сознанію массъ, нежели принципы права. Совокупность

что цѣль не можетъ быть достигнута законными средствами. Случаи эти слѣдующіе: при основаніи и переустройствѣ государства, при подавленіи возстанія и мятежей, во время войны, въ тираніяхъ. Но кто же не видитъ, что случаи эти поглощаютъ бо́льшую часть государственной жизни? Для правильнаго и законнаго порядка остается очень мало мѣста! Затѣмъ авторъ, какъ бы забываетъ, что, по Макіавелли, государства не являются членами одного высшаго союза, но живутъ въ полной изолированности и поэтому въ вѣчной враждѣ (то открытой, то тайной) между собою. Это— строгое, логическое послѣдствіе изъ самой его идеи о государствѣ. Построенныя на силѣ, равнодушныя къ принципамъ нравственности и права, государства, по мысли Макіавелли, могутъ покушаться на все, на что только хватаетъ ихъ мощи. Самая коварная и насильственная политика по отношенію къ сосѣдямъ не преступна, если она ведетъ къ нашему возвышенію.

Защитники Макіавелли настаиваютъ на различіяхъ обоихъ его трактатовъ „Князя“ и „Разсужденій о Ливіи“, но оба они, говоря строго, сходны между собою по отсутствію въ нихъ нравственныхъ началъ и по основнымъ своимъ идеямъ, но въ «Разсужденіяхъ» Макіавелли является республиканцемъ, хотя и въ древне-римскомъ смыслѣ, а въ «Князѣ» онъ даетъ не только совѣты тиранамъ, но и показываетъ полнѣйшее пренебреженіе къ народу. Поэтому мы рѣшительно отказываемся видѣть въ Макіавелли «защитника политической свободы».

отношеній одного государства къ другимъ обозначаютъ просто словомъ его «политика». Рѣшающимъ критеріумомъ тутъ признаютъ взаимность и на «право» государства обыкновенно ссылаются лишь когда этого требуютъ ихъ «интересы». Въ ихъ договорныя соглашенія постоянно примѣшивается элементъ политическій, который, подавляя юридическій, отражается невыгодно на ихъ содержаніи и формѣ. Особенно велико безправіе во время войны [1]). Отсюда недалеко до заключенія, будто сношенія между государствами должны управляться исключительно политикою, а не правомъ. Эту идею проводитъ между прочимъ и *Лассонъ* въ своихъ сочиненіяхъ [2]). Она сама по себѣ несостоятельна, ибо видитъ въ государствахъ не живые организмы и личности съ нравственными задачами, а лишь продукты силы, призванные къ вѣчной обоюдной враждѣ. Словомъ—это, въ послѣднемъ своемъ выводѣ,—теорія полной анархіи.

Болѣе глубокое и вѣрное пониманіе самой природы государства неотразимо требуетъ, какъ въ его внутренней, такъ равно и въ его внѣшней жизни подчиненности политики праву. Политика, и внѣшняя государствъ, разнообразится по потребностямъ и особенностямъ народовъ; международное право, по своему характеру, есть нѣчто единое и твердое: оно не отвергаетъ принциповъ политики относительно сохраненія и развитія государствъ, уважаетъ ихъ національные интересы, но, въ видахъ мирнаго и правомѣрнаго существованія народовъ, ищетъ согласовать эти интересы, а, при коллизіи ихъ, найти способы ихъ примиренія, наиболѣе справедливые и желательные для блага всѣхъ.

Внѣшняя политика государствъ, понимаемая въ практическомъ смыслѣ, называется еще *дипломатіей.*

Гольцендорфъ ставитъ ей, по отношенію къ положительному международному праву, слѣдующія задачи: 1) она должна содѣйствовать *развитію* его нормъ, своевременно заботясь объ устраненіи устарѣвшихъ изъ нихъ и о введеніи новыхъ, наиболѣе цѣлесообразныхъ съ интересами всего международнаго союза (Ge-

---

[1]) *Бульмеринъ*, назв. ст.

[2]) *Lasson.* Princip und Zukunft des Völkerrechts, 1871. System der Rechtsphilosophie. 1882.

sammtinteressen der Völkerrechtsgemeinschaft); 2) принимать мѣры, требуемыя какъ *охраною* этихъ нормъ, такъ и наиболѣе успѣшнымъ *проведеніемъ* ихъ въ жизни. Международное право, какъ и государственное, нуждается иной разъ болѣе въ мѣрахъ *предупрежденія*, нежели *пресѣченія* зла, и между первыми къ наиболѣе дѣйствительнымъ средствамъ относится предусмотрительная и справедливая дипломатія. Ея дѣло предугадывать возможныя опасности для мирнаго совмѣстнаго существованія народовъ и, въ случаѣ недостаточности правильныхъ и юридическихъ способовъ для ихъ устраненія, прибѣгать къ умѣлому *распредѣленію политическихъ силъ государствъ*. Этимъ въ значительной степени обезпечивается самая прочность международнаго порядка среди культурныхъ народовъ. Общимъ интересамъ этого порядка равно противорѣчатъ: какъ одинаковое безсиліе всѣхъ государствъ, вслѣдствіе котораго каждое изъ нихъ должно все переносить отъ сосѣдей, такъ и чрезмѣрное, угрожающее (weltbeherrschende Uebermacht) развитіе военной и политической мощи одного какого либо народа, отъ произвола котораго зависѣло бы всегда отступиться отъ собственныхъ обязательствъ, безъ опасенія какихъ либо для себя отъ этого ущербовъ. И тутъ снова проявляется сродство между государственнымъ и международнымъ порядками: поддержаніе того и другаго требуетъ достаточно сильныхъ и объединенныхъ органовъ; охрана же свободы ихъ членовъ немыслима безъ должнаго распредѣленія между этими органами политической силы и установленія для нихъ взаимнаго контроля и равновѣсія. Средства и формы подобнаго размѣщенія, въ международной области, политическихъ силъ падаютъ на долю дипломатіи и, не поддаваясь юридической формулировкѣ, относятся къ области политики, долженствующей тутъ однако считаться съ силами не только матеріальными, но и нравственными [1]).

---

[1]) *Holtzendorff*, въ Hand. des Volkerr. B. I. S. 61—67. Лучшими пособіями по политикѣ являются: относящійся къ ней отдѣлъ въ Энциклопедіи *Моля* (съ указаніями болѣе ранней литературы), *Bluntschli*. Politik als Wissenschaft, 1876 (третій томъ его Lehre vom modernen Stat, лучшее сочиненіе въ этой области, представляющее высокій интересъ для всякаго, желающаго ознакомиться съ сущностью современнаго государства); *Holtzendorff*. Die Principien der Politik. 2 изд. 1879 (съ указаніями новѣйшей литературы); *Pariew*. Principes de science politique. 1870.

Нельзя также обойти молчаніемъ отношеніе международнаго права къ *нравственности*. Оно, какъ и всякое другое право, въ послѣднемъ своемъ основаніи покоится не на *принужденіи*, а на сознаніи людьми его внутренней нравственной *обязательности*. Въ международной области, гдѣ соприкасаются столь сложные и высшіе интересы народовъ, дѣйствіями людей должны управлять не только юридическія нормы и правила политической мудрости, но и твердыя, незыблемыя начала нравственности, эти главные устои разумной, духовной природы человѣка, а слѣдовательно и всякаго общежитія.

Къ сожалѣнію уровень *политической нравственности* въ современномъ обществѣ еще крайне низокъ. Особенно должно это сказать, когда рѣчь заходитъ о взаимныхъ внѣшнихъ сношеніяхъ народовъ. «И цѣли и средства, къ которымъ тутъ прибѣгаютъ, говоритъ совершенно вѣрно Моль, бываютъ весьма часто равно предосудительны и видимъ мы это со стороны такихъ личностей, которыя въ своей частной жизни никогда не дозволяли бы себѣ какого либо безчестнаго поступка, а также не одобрили бы и во внутренне—государственной жизни нарушенія нравственныхъ началъ. Но совершенно противоположное этому поведеніе во внѣшней политикѣ они не стѣсняются прославлять даже публично, какъ доказательство государственной мудрости. Подобное пренебреженіе, въ международныхъ сношеніяхъ, *нравственнымъ закономъ* кладетъ неприглядное пятно на европейскую цивилизацію и тѣмъ рѣшительнѣе должна возставать противъ этого наука. Ея дѣло проводить постепенно болѣе вѣрныя идеи въ сознаніе и нравы общества».

Прежде всего здѣсь должно устранить очень распространенное заблужденіе, будто правила политической нравственности существенно отличаются отъ принциповъ нравственности частной, обязательной для поведенія отдѣльныхъ лицъ въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ. И тѣ и другіе одинаково коренятся, какъ сказано, въ *разумной природѣ человѣка*, которая остается всегда одна и та же, не смотря на различіе областей, въ которыхъ приходится ему дѣйствовать. Подобнаго различія не знаетъ и христіанство, дающее нравственности высшее основаніе и освященіе. Нравствен-

ные принципы, переносимые въ область государственной жизни, отъ этого не измѣняются по своему *существу*, а лишь только по *объему* своего дѣйствія и по *мѣрилу*, которымъ они должны оцѣниваться [1]).

Не менѣе несостоятельно другое заблужденіе, будто національные интересы составляютъ во внѣшней политикѣ государствъ начало и конецъ всего; будто по отношенію къ другимъ, каждому народу нечего идти далѣе *собственной пользы* и развѣ принципа *взаимности*, понимаемаго всегда, въ случаяхъ сомнѣнія, въ ограничительномъ смыслѣ.

Нравственные принципы и тутъ требуютъ признанія и уваженія чужихъ правъ и интересовъ; содѣйствія даже имъ, поскольку это соотвѣтствуетъ справедливости и собственнымъ нашимъ силамъ. Какъ часто приходится слышать, будто ко внѣшней политикѣ народовъ все еще приложимъ еврейскій законъ: «око за око и зубъ за зубъ». Это означаетъ, въ сущности, политику насилія, которая недостойна христіанскаго общества, построеннаго на законѣ любви. Религія и нравственность должны, какъ и наука, громко осуждать чисто языческія тенденціи, которыя все еще такъ часто сказываются во взаимныхъ сношеніяхъ народовъ, даже наиболѣе изъ нихъ передовыхъ и такъ сильно тормозятъ правильное и мирное развитіе международнаго права и порядка.

Болѣе всего въ этомъ отношеніи бываютъ виноваты политическія партіи и ихъ вожаки, правители и органы періодической печати. Подъ личиною патріотизма они нерѣдко проповѣдуютъ ненависть къ другимъ народамъ, искажаютъ или эксплуатируютъ ихъ недостатки и ошибки, преувеличиваютъ добродѣтели и заслуги всего своего и пользуются часто каждымъ недоразумѣніемъ и даже несогласіемъ, чтобы раздуть его, какъ можно болѣе очернивъ противника и тѣмъ выставивъ въ болѣе яркомъ свѣтѣ собственный якобы патріотизмъ и святость «нашего» дѣла. При та-

---

[1]) Это есть, по опредѣленію Блюнчли, масштабъ—не абсолютной, а относительной нравственности, соотвѣтственный среднему уровню идей даннаго времени и народа. Но государственные люди, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, какъ передовые дѣятели, должны заботиться о поднятіи этого уровня и идти, въ этомъ отношеніи, впереди своего народа. (Politik als Wissenschaft).

кой нетерпимости и насильственности какъ можно привить къ обществу идеи законности, мира и уваженія къ чужому праву?

Не только отдѣльные люди, говоритъ Гольцендорфъ, но и народы имѣютъ *совѣсть*. И имъ также присуще сознаніе ихъ *виновности*. Во всѣ времена, начиная съ первыхъ зачатковъ культуры, они смотрѣли на постигавшія ихъ народныя бѣдствія какъ на заслуженныя кары, или какъ на акты историческаго возмездія. Гефтеръ называетъ это всемирно-историческою немезидою. Не только побѣжденные (vae victis!), но и побѣдители подлежатъ проклятію за совершенныя ими преступленія (vae victoribus!). Именно эта совѣсть воспрещаетъ народамъ пользоваться безгранично и произвольно своимъ превосходствомъ и силою по отношенію къ слабѣйшимъ, хотя бы сами они вѣрили въ свое призваніе покорять другія государства и не имѣли бы яснаго представленія о юридическомъ характерѣ международнаго порядка.

По своему содержанію и объему нравственныя обязанности государствъ простираются далѣе ихъ юридическихъ обязательствъ и выходятъ за предѣлы дѣйствія положительнаго международнаго права вообще. Это сказывается особенно въ отношеніяхъ цивилизованныхъ народовъ къ варварамъ другихъ частей свѣта. Нравственныя обязанности возникаютъ повсюду, гдѣ только соприкасаются люди, и ранѣе всякихъ иныхъ узъ, и онѣ-то рѣшительно осуждаютъ истребленіе или порабощеніе людей иныхъ расъ, что, къ стыду своему, такъ долго позволяли себѣ европейцы, лишь въ нашемъ столѣтіи перейдя въ этомъ отношеніи къ болѣе человѣчнымъ и справедливымъ воззрѣніямъ.

Въ отношеніи къ праву нравственные принципы какъ бы предшествуютъ имъ, служа для нихъ подготовительною стадіею, частію освящаютъ ихъ и скрѣпляютъ. Такъ, благодаря ихъ развитію, были достигнуты въ наши дни нѣкоторыя смягченія въ области военнаго права. За правило должно признать, что постановленіями договоровъ между отдѣльными государствами эти принципы не могутъ быть отмѣняемы, разъ они соотвѣтствуютъ общему нравственному сознанію культурныхъ народовъ [1]).

---

[1]) *Holtzendorff*, тамъ же; Т. I, стр. 59—63.

Весьма хорошо резюмируетъ Моль [1]) главныя нарушенія нравственнаго закона во взаимныхъ сношеніяхъ народовъ:

1. *угнетеніе слабѣйшихъ*, выражающееся либо въ ихъ подчиненіи путемъ завоеванія, либо въ неуваженіи ихъ справедливыхъ требованій, или въ обращеніи ихъ въ орудія для собственныхъ, но имъ самимъ чуждыхъ цѣлей. Нравственность же требуетъ отъ насъ не только равнаго уваженія къ праву сильныхъ и слабыхъ, но и оказанія послѣднимъ помощи и содѣйствія и даже принятія ихъ подъ защиту въ случаѣ несправедливаго нападенія на нихъ съ чьей либо стороны.

2. *Завистливыя и недоброжелательныя стремленія задержать внутреннее развитіе другихъ государствъ*, особенно по отношенію къ ихъ государственному строю, торговли и промышленности, а также къ прекращенію существующихъ у нихъ церковныхъ и политическихъ споровъ. Здѣсь, на практикѣ, не только часто прибѣгаютъ къ грубой и открытой силѣ, но и къ другимъ различнымъ, тайнымъ, но очень предосудительнымъ мѣрамъ, въ родѣ: подкуповъ иностранныхъ чиновниковъ, веденія интригъ съ вожаками партій, одобренія и поощренія къ возстаніямъ, намѣреннаго усиленія, даже кривдами чужаго правительства. Нравственность же тутъ предписываетъ: сохраненіе существующаго отъ всякихъ постороннихъ посягательствъ и даже положительное его поддержаніе, гдѣ это можно дѣлать безъ ущерба себѣ.

3. *Непризнаніе обязанности содѣйствовать вообще развитію сношеній между народами* въ видахъ поднятія ихъ матеріальнаго ли или духовнаго благосостоянія. Такія упущенія дѣлаются или вслѣдствіе невѣрнаго мнѣнія о собственной независимости, или просто по нравственной тупости и лѣни. Правительства въ этомъ направленіи оказываютъ препятствія къ доступу на свою территорію иностраннымъ подданнымъ и товарамъ, или не разрѣшаютъ собственнымъ гражданамъ выѣздъ за-границу, или отказываются вступить съ другими государствами въ соглашенія для достиженія общими силами лучшихъ результатовъ въ дѣлѣ экономическаго или умственнаго преуспѣянія народовъ. Намъ нечего доказывать, что долгъ нравственный и интересы цивилизаціи указываютъ, во

[1]) *Moll.* Encyklopadie, S. 537 - 540.

всемъ этомъ, правительствамъ на путь совершенно противоположный.

4. *Примѣненіе безнравственныхъ средствъ для полученія свѣдѣній о намѣреніяхъ и планахъ другихъ правительствъ*: вскрытіе писемъ, подкупы, разные иные происки предъ чужими министрами и вообще вліятельными лицами. Нравственность же напротивъ возлагаетъ и на государственныхъ людей обязанность: дѣйствовать открыто и честно.

5. Обращеніе къ *войнѣ безъ предварительнаго испробованія*, для окончанія существующаго спора, *всѣхъ мирныхъ способовъ*, или обращеніе къ ней изъ-за *незначительныхъ*, быть можетъ, даже *несправедливыхъ* поводовъ или причинъ. Всякая война есть сама по себѣ для обоихъ враждующихъ страшное бѣдствіе не только по потерѣ человѣческихъ жизней, но и вслѣдствіе вызываемыхъ ею: разоренія, распространенія въ населеніяхъ безнравственности и задержанія всякихъ улучшеній. Война, съ нравственной точки зрѣнія, допустима только въ самой крайней необходимости и для защиты верховныхъ правъ народовъ [1]). Для этого должно воздерживаться отъ неумѣренныхъ требованій и проявлять миролюбіе во всѣхъ вообще сношеніяхъ съ иностранными правительствами. Война предпринятая изъ-за славолюбія или для устраненія внутреннихъ затрудненій и вообще изъ-за незначительныхъ разногласій, есть величайшее нравственное преступленіе, которое только можетъ совершить человѣкъ, ибо никакимъ другимъ злодѣяніемъ не можетъ онъ причинить бо̀льшаго вреда своимъ ближнимъ. Вотъ почему, повторяемъ, въ случаяхъ предстоящей войны, даже изъ-за справедливой причины, нравственный долгъ приказываетъ намъ предварительно обращаться, для удовлетворенія нашихъ требованій, ко всѣмъ средствамъ, которыя окажутся дѣйствительными и

[1]) Въ наши дни распространяется болѣе и болѣе сознаніе о преступности войны съ точки зрѣнія чистаго христіанства и абсолютной нравственности по крайней мѣрѣ между цивилизованными народами. Моль называетъ парадоксальною мысль Трейтшке о томъ, что будто бы „надежда объ устраненіи со временемъ войны должна быть названа не только безумною, но и глубоко безнравственною“. Онъ не отвергаетъ того, что война сильно встряхиваетъ народы и это имѣетъ свои нѣкоторыя хорошія стороны, хотя и покупается дорогою цѣною, но, съ другой стороны, онъ несогласенъ съ тѣмъ, будто бы продолжительный миръ долженъ непремѣнно вести къ нравственному и умственному застою и вырожденію.

совмѣстимыми съ честью. Въ особенности высокая нравственная задача для всѣхъ цивилизованныхъ государствъ лежитъ въ томъ, чтобъ они прибѣгали къ рѣшенію своихъ несогласій международными третейскими судами и заботились о все бо̀льшемъ ихъ распространеніи.

6) Причиненіе врагу во время военныхъ дѣйствій излишнихъ страданій и опустошеній: жестокое обращеніе съ мирными жителями, истребленіе имущества, наложеніе всякихъ тягостей на занятыя области и т. п. Долгъ тутъ повелѣваетъ воюющимъ: поддерживать строжайшую дисциплину, соблюдать человѣколюбіе и умѣренность въ требованіяхъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что никакое прочное улучшеніе международныхъ сношеній немыслимо безъ поднятія уровня, какъ въ правителяхъ, такъ и въ народахъ, политической нравственности. Болѣе всего въ этомъ направленіи призваны дѣйствовать церковь, школа и печать, а онѣ, къ сожалѣнію, слишкомъ часто коснѣютъ въ старыхъ, отжившихъ предразсудкахъ или въ односторонникъ воззрѣніяхъ узкаго національнзма. Это сбиваетъ съ толку и общественное мнѣніе, которое, вмѣсто того, чтобы быть чуткимъ и живымъ органомъ общественной совѣсти, относится съ полнымъ равнодушіемъ или даже иногда съ одобреніемъ къ попиранію сильными элементарнѣйшихъ истинъ нравственнаго закона въ примѣненіи къ сношеніямъ съ иностранными государствами.

Какъ-бы то ни было, но *нравственная санкція* существуетъ и въ жизни народовъ и является однимъ изъ надежнѣйшихъ оплотовъ международнаго права, какъ и всякаго другаго вообще.

«Люди по своей близорукости, говорятъ Функъ-Брентано и Сорель, легко воображаютъ, что политическія дѣйствія, не воспрещенныя никакимъ положительнымъ закономъ и не преслѣдуемыя никакою организованною властію, суть поступки безразличные и могутъ совершаться ими безнаказанно. Это воззрѣніе примѣняютъ они и къ международному праву подъ предлогомъ, что оно не имѣетъ своего кодекса и лишено судовъ, которые карали бы его нарушенія. Но они грубо ошибаются. Нѣтъ ни одного политическаго дѣйствія, которое могло бы быть совершенно безнаказанно, ибо каждое такое дѣйствіе имѣетъ свои опредѣленныя послѣдствія. Возможно, при краткости человѣческой жизни, что времени не

хватитъ для того, чтобы эти послѣдствія успѣли сказаться во всей своей силѣ предъ тѣми, кто ихъ совершилъ, но они проявятся позднѣе и непремѣнно. Политическіе дѣятели могутъ иногда пользоваться безнаказанностію, потому что они умираютъ, но народы такою безнаказанностію никогда не пользуются, ибо они живутъ всегда достаточно долго, чтобы потерпѣть послѣдствія совершенныхъ ими дѣйствій. Для нихъ смерть является не формою безнаказанности, а послѣднимъ и самымъ страшнымъ послѣдствіемъ ихъ заблужденій или преступленій. Поэтому не въ войнѣ, а въ этомъ логическомъ сцѣпленіи причинъ и слѣдствій лежитъ санкція международнаго права. Ни одинъ народъ, ни одно государство не могутъ ея избѣгнуть и вся исторія международныхъ сношеній только подтверждаетъ всю ея внутреннюю, неотразимую силу».

Эти мысли авторы подтверждаютъ ссылками на государства, которыя, опираясь на свое превосходство, преслѣдуютъ по отношенію къ сосѣдямъ политику насильственную и несправедливую: на время это можетъ имъ удасться, но, рано, или поздно, они вызовутъ общую противъ себя ненависть. То же въ сферѣ экономическихъ интересовъ: одно правительство нерѣдко въ торговыхъ договорахъ своихъ навязываетъ другимъ, слабѣйшимъ государствамъ собственные тарифы, но чрезъ это, если ошибается, само себя разоряетъ. Побѣдитель, возлагающій на побѣжденнаго слишкомъ тягостныя мирныя условія, укрѣпляетъ не миръ, но бросаетъ сѣмена для новой войны въ будущемъ [1]).

Нравственность въ свою очередь получаетъ самое глубокое и прочное основаніе въ *религіи*. Не безъ основанія говоритъ Бульмерингъ, въ выше приведенной статьѣ, это ослабленіе въ наше время религіознаго духа въ массахъ, ведетъ къ нравственной распущенности и въ политикѣ. «Государство изъ нравственнаго организма, какимъ оно должно быть, превращается вслѣдствіе безвѣрія въ игралище политическихъ волнъ безъ твердой основы и цѣли. Но политика, не подчиняющаяся принципамъ нравственности и не видящая въ нихъ настоящее для себя основаніе, считаетъ себѣ все дозволеннымъ и, чрезъ насилія и произволъ, возвращаетъ

---

[1]) *Funck-Brentano et Soler.* Précis du Droit des Gens. 1877 p. 7-9.

государство къ его первобытному, самому грубому и хаотическому состоянію: bellum omnium contra omnes».

Но если политика питается и облагораживается нравственностію, то обѣ онѣ черпаютъ вѣчно свои силы изъ религіи. Къ вопросамъ и дѣйствіямъ послѣдней не можетъ оставаться равнодушнымъ и международное право.

Отношенія его къ религіи сводятся въ цѣломъ къ слѣдующимъ пунктамъ:

во 1-хъ, религія съ древнѣйшихъ временъ какъ бы замѣняла международное право. Когда право и мораль не были еще отъ нея отдѣлены, она первая дала извѣстную защиту, религіозную, институтамъ и нормамъ, которые потомъ выработались въ международные. Такъ древніе ставили подъ охрану боговъ посланниковъ и герольдовъ, а также иностранцевъ, которымъ давали гостепріимство. Обычай подкрѣплять договоръ клятвою содѣйствовалъ признанію ненарушимости даннаго слова и обязательствъ. Религія вызвала первыя смягченія жестокостей войны у индусовъ, евреевъ и т. д. Извѣстно, какую роль, въ этомъ отношеніи играли у римлянъ феціалы. Бѣглые преступники находили убѣжище въ мѣстахъ освященныхъ религіею.

Во 2-хъ, еще болѣе сильное вліяніе на теорію и практику международныхъ сношеній оказало христіанство. Выше мы видѣли, что существуетъ внутреннее сродство между его принципами и идеями международнаго права, такъ что неудивительно, что послѣднія доселѣ дѣйствуютъ лишь среди народовъ христіанской культуры, ибо онѣ являются однимъ изъ ея благороднѣйшихъ продуктовъ. Но, съ другой стороны, международное право, какъ система юридическая, не отождествляется ни съ религіею, ни съ моралью, а покоится на самостоятельныхъ принципахъ права. Оно призвано постепенно распространяться и на всѣ другіе народы земли, по мѣрѣ ихъ доростанія до пониманія его сущности и назначенія.

Поэтому въ 3-хъ, оно требуетъ, во взаимныхъ религіозныхъ сношеніяхъ народовъ, терпимости. Не имѣя спеціально религіозной миссіи, оно въ принципѣ осуждаетъ всякое насильственное распространеніе христіанства среди язычниковъ. Это не обозначаетъ проповѣди безвѣрія или индифферентизма. Международное

право не призвано только, во имя своихъ юридическихъ принциповъ, воспринимать въ себя и осуществлять догматы религіи или политическія идеи. Истинная же религія должна питать въ народахъ чувства взаимнаго благожеланія и не препятствовать, при ихъ религіозныхъ разногласіяхъ, общенію на почвѣ для всѣхъ ихъ равнаго права [1]).

Съ другой стороны, международное право охраняетъ свободу совѣсти человѣка, какъ одно изъ его основныхъ правъ: осуждая религіозныя войны и гоненія, оно оказываетъ свое покровительство тѣмъ учрежденіямъ, которыя призваны мирно распространять религіозныя, какъ и другія истины, ко благу людей.

Между всѣми вспомогательными науками для международнаго права главною является *исторія*. Безъ достаточной исторической подготовки нельзя самостоятельно изучать и международное право. Оно есть продуктъ жизни новѣйшихъ европейскихъ народовъ, а кто же лучше всего знакомитъ насъ съ этою жизнію во всѣхъ ея проявленіяхъ, какъ не исторія? Она, говоритъ Ривье, [2]) для международнаго права, даже болѣе чѣмъ вспомогательная наука: она главное для него основаніе и дѣлаетъ его по преимуществу историко-юридическою дисциплиною. Она расчищаетъ и опредѣляетъ ту для него почву, на которой логическое и юридическое мышленіе возводитъ потомъ прочно зданіе его теоріи.

Исторія отвѣчаетъ намъ почему, впродолженіе тысячелѣтій, не существовало международнаго права и порядка, хотя нѣкоторыя внѣшнія сношенія между государствами восходятъ къ самымъ древнимъ, первобытнымъ эпохамъ. Она объясняетъ какія *причины* вызвали международное право къ жизни и чрезъ какіе *фазисы* развитія оно послѣдовательно прошло до нашего времени. Наконецъ, на основаніи всего этого, она указываетъ на то, въ чемъ заключается настоящія *практическія задачи и цѣли* международнаго права для нашихъ и грядущихъ поколѣній.

Но, чтобы выполнить эти высокія и сложныя задачи, исторія сама должна отличаться своимъ строго-научнымъ и обще-человѣче-

---

[1]) *Bulmerincq.* Volkerrecht; § 9.
[2]) *Rivier.* S. 39.—*Bulmerincq.* § 8.

скимъ характеромъ. Нельзя не пожалѣть, что до сихъ поръ не существуетъ собственно исторіи международныхъ сношеній: касаясь ихъ, писатели говорятъ о нихъ большею частію мимоходомъ и съ различныхъ иныхъ точекъ зрѣнія (обще—философской, политической, культурной, національной и т. д.), а не со стороны *международныхъ принциповъ*, принятыхъ за основаніе и руководящую нить всего изложенія. Кромѣ того, достойно осужденія отсутствіе у большинства историковъ объективности и безпристрастія. Въ ихъ произведеніяхъ нерѣдко сказывается рѣзко ихъ національность и даже партія (политическая, религіозная, философская), къ которой они принадлежатъ. Иной разъ нетрудно бываетъ узнать уже изъ первыхъ страницъ сочиненія, относится ли авторъ съ расположеніемъ къ христіанской религіи, или же онъ враждебенъ къ ней и даже ко всякой религіи вообще. Изображаемыя событія получаютъ также различную окраску и оцѣнку, смотря по тому, монархистъ ли писатель, или республиканецъ, а тѣмъ болѣе если онъ радикалъ и соціалистъ. Но эта *тенденціозность* особенно печальна въ исторической наукѣ: исторія, теряя объективную почву, перестаетъ быть наукою и низводится на степень практической доктрины въ цѣляхъ пропаганды идей извѣстной партіи или теоріи. Вотъ почему совершенно правъ извѣстный экономистъ Леруа-Больё, требующій улучшенія преподаванія исторіи, какъ въ среднихъ, такъ и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Эта наука, болѣе всего воспитывающая человѣка и гражданина, не должна превращаться въ собраніе анекдотовъ изъ жизни замѣчательныхъ людей, или ограничиваться передачею однихъ фактовъ, подведенныхъ подъ извѣстный, напередъ опредѣленный масштабъ. Для юриста исторія даетъ лишь матеріалъ, хотя и богатѣйшій, и все вниманіе его должно сосредоточиваться на идеяхъ и принципахъ, которые дѣйствительно управляли различными эпохами, народами и историческими дѣятелями.

Само собою разумѣется, для интернаціоналиста важна особенно исторія трехъ послѣднихъ вѣковъ, когда возникъ и сталъ крѣпнуть и расширяться международный союзъ, и болѣе всего исторія нашего XIX столѣтія. При этомъ на первый планъ слѣдуетъ ему ставить *исторію политическую*, въ самомъ широкомъ смыслѣ это-

го слова. [1]) Исторія, такъ понимаемая, есть лучшее *введеніе* въ изученіе положительнаго международнаго права, а равно лучшее *разъясненіе* всѣхъ его институтовъ, нормъ и задачъ. Затѣмъ, только на исторію опирающаяся *критика* этихъ нормъ можетъ имѣть претензію на вполнѣ научный и самостоятельный характеръ. [2])

Вліяніе *философіи* на международное право сказалось въ четырехъ различныхъ направленіяхъ: 1) въ построеніи такъ наз. *естественнаго* или *философскаго международнаго права*, отличнаго отъ *положительнаго*; 2) въ стремленіяхъ къ *научной обработкѣ* существующаго положительнаго матеріала; въ 3-хъ, въ попыткахъ *дополнить пробѣлы*, которые, по мнѣнію писателей, открывались въ системахъ положительнаго международнаго права и 4) въ *критикѣ*, по даннымъ философіи этихъ системъ.

Бульмерингъ, перечисляя эти формы воздѣйствія, осуждаетъ первую и третью изъ нихъ, но воздаетъ должное пользѣ двумъ остальнымъ формамъ [3]).

Построеніе философіею своей, особой системы международнаго права, [4]) имѣло себѣ оправданіе въ эпоху возникновенія нашей

---

[1]) Къ ней можно отнести слѣдующіе отдѣлы: политическую исторію государствъ, статистику, исторію трактатовъ, политическую географію и т. д

[2]) Лучшимъ общимъ сочиненіемъ по всей исторіи человѣчества является едвалъ не громадный трудъ Вебера. *Weber's* Allgemeine Weltgeschichte 2 изд 1882—89 въ 15 томахъ (перев. и на русск.). Это не только политическая исторія, но и исторія культуры. Она доведена до нашихъ дней и отличается необыкновеннымъ обиліемъ матеріала, сжатостію изложенія, богатѣйшими повсюду указаніями на литературу и благородствомъ и возвышенностью проводимыхъ въ ней идей. Авторъ вездѣ стоитъ на сторонѣ правды, законности, свободы, словомъ истиннаго прогресса и только при изложеніи событій XIX в. его можно упрекнуть мѣстами въ пристрастіи собственно къ Германіи, или даже къ Пруссіи Спеціально XIX в. посвящены томы 14 и 15 (распадающійся на два обширныхъ отдѣла) Существуетъ и сокращеніе изъ этого громаднаго труда· Lehrbuch der Weltgeschichte. 2 т. Изд. 20-е 1888.—Къ этому нельзя еще не присоединить прекрасную книгу. *Файфа.* Исторія Европы XIX вѣка (1792—1878) 3 т. перев. Лучицкой. 1889—90

[3]) *Bulmerincq.* § 7.

[4]) Отголоски этого вліянія философіи доходятъ до нашихъ дней. Философское право противопоставляютъ положительному Фіоре, Прадье-Фодере и др. Моль въ своей Энциклопедіи излагаетъ по этимъ же двумъ рубрикамъ всю обширную область публичнаго права, въ томъ числѣ и международнаго. Это ведетъ къ повтореніямъ, противорѣчіямъ и тому главному неудобству, что научное изложеніе предмета, по существу требующее единства, разрывается на двѣ, между собою несогласныя области. Философскаго права, въ сферѣ международнаго, не существуетъ, но есть *философскіе методъ* и *элементъ*.

науки въ трудахъ Гроція, когда даже почти не существовало сознанія о примѣнимости къ взаимнымъ сношеніямъ независимыхъ государствъ нормъ права. Тогда философія указала въ общежительной природѣ человѣка на ихъ разумную необходимость и на ихъ обязательную для государствъ силу. Въ этомъ лежитъ вѣчная заслуга того ея направленія, которое извѣстно подъ названіемъ *естественнаго права*. Но затѣмъ, чѣмъ болѣе идеи послѣдняго стали проникать въ реальныя отношенія народовъ и ихъ преобразовывать, чѣмъ чаще начали государства признавать ихъ путемъ обычаевъ и договоровъ, словомъ, съ выработкою настоящаго положительнаго права, одно чисто философское международное стало утрачивать свое значеніе. Подобный дуализмъ въ научной системѣ неумѣстенъ; философія въ обработкахъ нашего предмета впредь удерживаетъ значеніе только извѣстнаго *элемента* и не болѣе.

Также къ дуализму и къ смѣшенію разнородныхъ началъ ведетъ внесеніе философскихъ принциповъ въ изложеніе положительнаго международнаго права для предполагаемаго исправленія или дополненія его системы. Надо, говоритъ Бульмерингъ, въ этой системѣ давать только одинъ положительный матеріалъ: философскія же начала въ ней неумѣстны, ибо они отличаются отъ принциповъ положительнаго права по своему происхожденію и характеру и легко могутъ вводить читателя въ заблужденіе на счетъ истиннаго состоянія развитія положительныхъ нормъ, изображая желаемое и будущее, какъ бы уже достигнутымъ и осуществленнымъ.

Мы находимъ эти опасенія нѣсколько преувеличенными: конечно интернаціоналисту должно остерегаться впадать въ указанный недостатокъ, но, отмѣчая въ своемъ изложеніи положительный элементъ отъ философскаго,—достигнутое отъ желаемаго,—онъ всегда можетъ послѣднимъ связывать въ одно высшее цѣлое разрозненныя части перваго, давать имъ должное разъясненіе и направленіе къ будущему. Это—трудная, но весьма плодотворная задача науки, роль которой никогда не можетъ ограничиться только собираніемъ, расположеніемъ и описаніемъ фактовъ.

Впрочемъ Бульмерингъ, осуждая *воспомненіе* пробѣловъ положительныхъ матеріаловъ принципами философіи, одобряетъ однако примѣненіе ихъ къ *изученію* этихъ матеріаловъ для того, чтобы

имѣть возможность вывести изъ нихъ *высшія, руководящія начала*, способныя разъяснить намъ стадіи развитія положительнаго права. Этотъ пріемъ онъ называетъ *методою догматическаго изложенія* послѣдняго.

Не менѣе одобряетъ онъ и *философскую критику* положительнаго международнаго права. Ея дѣло указать на разумность послѣдняго и, содѣйствуя его успѣхамъ, на необходимость для него постепеннаго осуществленія конечной его цѣли, лежащей въ установленіи *міроваго юридическаго порядка* (Weltrechtsordnung). Такимъ образомъ философское международное право должно быть замѣнено философскою критикою положительныхъ нормъ. Конечно, самодовольная практика, признающая только въ силѣ главный факторъ международныхъ сношеній, отвернется отъ подобной критики, какъ отъ pium desiderium, но чрезъ это она сама произнесетъ себѣ смертный приговоръ, ибо международная жизнь какъ и всякая другая, управляется и совершенствуется не только благодаря фактамъ, но и гораздо болѣе въ силу идей [1]).

Сводя все сказанное къ одному цѣлому, мы приходимъ къ слѣдующему выводу: философія должна помочь нашей наукѣ въ отысканіи *высшихъ ея* и *основныхъ началъ*, связать ими всѣ ея части въ одну стройную научную *систему* и указать на ея *послѣднія* и *конечныя цѣли* для человѣчества. Она же раскрываетъ намъ *отношенія международнаго права ко всѣмъ другимъ отраслямъ человѣческаго знанія*. Въ этомъ высшемъ смыслѣ, международное право, какъ наука, выходитъ далеко за предѣлы изученія договоровъ и законовъ извѣстной эпохи, фактовъ и событій, отмѣтившихъ жизнь народовъ, и возвышается до степени *юридической части философіи исторіи*, которая своимъ предметомъ имѣетъ: изложеніе *законовъ совмѣстнаго существованія народовъ, какъ членовъ единаго, живаго организма—человѣчества*.

Къ вспомогательнымъ предметамъ, при изученіи международнаго права, должны быть еще отнесены *новые языки* западныхъ народовъ, особенно французскій, нѣмецкій, итальянскій и англійскій. Литература по международному праву на этихъ языкахъ весьма богата и

---

[1]) *Bulmerincq*, ib.

разнообразна; безъ знакомства съ нею нельзя шага сдѣлать въ международной области, а между тѣмъ большинство сочиненій, вышедшихъ по этой части въ западной Европѣ, у насъ не переведены, а наша русская литература по международному праву еще только что зарождается. Вотъ почему нельзя не пожалѣть, что наша учащаяся молодежь такъ мало и плохо знаетъ европейскіе языки: вслѣдствіе этого ей остаются закрытыми сокровищницы западной мысли по политической литературѣ вообще, и по международному праву въ частности.

Выше мы назвали *четыре* главные языка западной Европы. Трудно сдѣлать между ними выборъ въ пользу одного или даже двухъ. *Французскій* чрезвычайно важенъ, какъ языкъ по преимуществу *дипломатіи*. На немъ доселѣ пишутся главные трактаты и ведутся на международныхъ собраніяхъ переговоры между правительствами. По своей природѣ и выработкѣ это языкъ наиболѣе способный передать всѣ тонкіе изгибы и оттѣнки дипломатической мысли. Французы искони славились мастерствомъ изложенія и умѣньемъ прекрасно писать и ученыя сочиненія. Если къ нимъ присоединить *бельгійскихъ* и *швейцарскихъ* писателей, то относящаяся сюда литература представится весьма богатою.

Собственно въ *научномъ* смыслѣ пальму первенста, по нашему предмету, могутъ оспаривать *нѣмцы* и *итальянцы*. Первые отличаются своими солидными, строго-научными трудами, въ которыхъ, смотря по ихъ авторамъ, преобладаютъ: то богатѣйшій положительный матеріалъ, то юридическая его разработка, то, наконецъ, критическое, основанное на данныхъ философіи, къ нему отношеніе. Во всякомъ случаѣ нѣмцы даютъ намъ лучшіе учебники и курсы по международному праву.

Но не меньшаго вниманія заслуживаютъ съ 50-хъ годовъ нашего столѣтія труды итальянскихъ ученыхъ. Въ нихъ много свѣжести и оригинальности мысли. Почти всегда сочувствуя либеральнымъ идеямъ, итальянцы отличаются независимостью своихъ сужденій, а по красотѣ и ясности изложенія, ихъ сочиненія не уступаютъ французскимъ. Что касается до *англичанъ*, то ихъ сочиненія богаты историческими и положительными данными, но по вопросамъ морскаго права они большею частію держатся своихъ устарѣвшихъ національныхъ воззрѣній. За то внѣ Европы англій-

скій языкъ изъ всѣхъ европейскихъ наиболѣе распространенъ и лишь чрезъ его посредство можно ознакомиться и съ богатою, по нашему предмету, литературою С. Штатовъ.

Въ наши дни все обостряющагося націонализма народы болѣе чѣмъ прежде отстаиваютъ свое право и въ дипломатическихъ сношеніяхъ пользоваться только своимъ роднымъ языкомъ. Право это они, конечно, имѣютъ, но на практикѣ такое многоязычіе представляетъ большія неудобства. Въ интересахъ ихъ самихъ и въ высшихъ интересахъ науки, надо желать признанія *какого-либо одного языка—международнымъ*. На немъ должны были бы происходить какъ всѣ сношенія между членами международнаго союза, такъ и появляться всѣ сочиненія по международному праву (по крайней мѣрѣ въ переводахъ). Это чрезвычайно упростило и облегчило бы указанныя сношенія и содѣйствовало бы распространенію ученыхъ трудовъ по нашему предмету среди всѣхъ народовъ. Сколько выиграли бы отъ этого и отдѣльныя лица! Каждый сталъ бы, при такихъ условіяхъ, изучать, кромѣ своего роднаго языка, этотъ общій и универсальный языкъ всего цивилизованнаго міра. Мы знаемъ, что правительства, изъ-за политической ревности и вражды, едва ли скоро согласятся на такую реформу, хотя молчаливо и на практикѣ они, по крайней мѣрѣ въ Европѣ, оказываютъ извѣстное предпочтеніе французскому языку. Мы это желали бы обобщить и возвести въ правило. Вмѣсто нелѣпаго измышленія какого-то искусственнаго и мертваго языка, въ родѣ волапюка, гораздо лучше государствамъ, съ общаго согласія признать международнымъ одинъ изъ богатыхъ и наиболѣе обработанныхъ ново-европейскихъ языковъ. Такимъ по своимъ особенностямъ и вслѣдствіе историческихъ условій и является *языкъ французскій*. Какъ извѣстно, съ Вестфальскаго мира, когда Франція стала во главѣ европейскихъ государствъ, ея языкъ сдѣлался общимъ языкомъ дипломатіи, оттѣснивъ въ этомъ отношеніи латинскій, [1]) и такимъ остается онъ до сихъ поръ. Намъ скажутъ, что

[1]) Поэтому неумѣстнымъ было бы возстановленіе его въ роли преобладающаго языка дипломатіи. Какъ языкъ мертвый, онъ неудобенъ для передачи множества новыхъ и сложныхъ понятій, о которыхъ римляне и представленія не имѣли. Международное же право, какъ наука юная и образующаяся, требуетъ живой и гибкой рѣчи, которою говорятъ новые народы Европы.

это поведетъ къ какой-то гегемоніи Франціи надъ остальными государствами и къ упадку другихъ не менѣе живыхъ и прекрасныхъ языковъ Европы. Нисколько! Предпочтеніе французской рѣчи, о которомъ мы говоримъ, будетъ ей оказано добровольно, вслѣдствіе ея высокихъ дипломатическихъ свойствъ и ограничиваться лишь сферою международною. И то въ извѣстномъ ограниченномъ смыслѣ: ничто не препятствуетъ правительствамъ прибѣгать въ своихъ частныхъ сношеніяхъ и къ другимъ языкамъ, коль скоро ихъ страны связаны между собою такою общностью той или иной рѣчи. Такъ рядомъ съ французскимъ, какъ общимъ и международнымъ языкомъ Европы, мыслимы: русскій какъ общій литературный языкъ для всѣхъ славянъ, англійскій и испанскій, какъ общіе дипломатическіе языки для Новаго Свѣта, если бы послѣдній не предпочелъ, въ этомъ отношеніи, примкнуть, въ собственныхъ интересахъ, къ Европѣ.

Указываемая нами реформа болѣе всего содѣйствовала бы популяризаціи и распространенію международныхъ идей.

Такова, въ немногихъ словахъ, связь международнаго права съ остальными юридическими и вспомогательными предметами. По мѣрѣ того, какъ углубляешься въ изученіе ея, открываешь все болѣе и болѣе новыхъ сторонъ или пунктовъ соприкосновенія между ними. Нами исчерпано далеко не все; вопросъ этотъ въ литературѣ вообще не рѣшенъ, а только намѣченъ и объясняется это самою его новизною. Но писатели не должны имъ пренебрегать: въ этой связи лежитъ, какъ сказано, одинъ изъ сильныхъ доводовъ въ пользу юридическаго характера международныхъ нормъ. Но, съ другой стороны, международное право не имѣло бы характера самостоятельной науки, если бы все содержаніе его исчерпывалось чертами сходства съ другими науками права. Нѣтъ; оно не только сводитъ ихъ къ высшему синтезу и даетъ ихъ принципамъ дальнѣйшее, болѣе широкое примѣненіе на практикѣ, но и преслѣдуетъ *свои* особыя, великія задачи. Для полноты мы должны уже здѣсь упомянуть и объ нихъ: *Задача международнаго права заключается въ томъ, чтобы жизнь и отношенія отдѣльныхъ государствъ*, на которыя распадается человѣчество, *поставить на юридическую почву*, отыскать нормы права для ихъ регулированія *и чрезъ это обезпечить возможно прочный миръ на землѣ:* не вѣч-

ный миръ, о которомъ мечтаютъ идеалисты, но *миръ юридически-организованный и охраняемый.*

Съ этой точки зрѣнія международное право является завершеніемъ всѣхъ отраслей права. Словами: «миръ юридически обезпеченный» мы имѣемъ въ виду отклонить возраженія тѣхъ, которые говорятъ, что продолжительный миръ есть застой, разложеніе и смерть для человѣчества. Если понимать миръ въ абсолютномъ смыслѣ (т.-е. поддержаніе его во что бы то ни стало и повсюду), то, при условіяхъ современной жизни народовъ, съ этимъ, пожалуй, можно согласиться, но миръ на основаніи идеи справедливости и при условіи удовлетворенія конкретнымъ реальнымъ потребностямъ народовъ, такой миръ не даетъ основанія для сравненія его съ духовною смертью. Являясь воплощеніемъ идей международнаго права, онъ стремится сдѣлать войны болѣе рѣдкими и гуманными, а также расширить господство справедливости на землѣ, безъ принесенія этому въ жертву индивидуальныхъ способностей людей и народовъ.

V.

Область примѣненія Международнаго Права.

Современное международное право быстро развивается въ *трояком*ъ направленіи: въ *территоріальном*ъ отношеніи, въ *матеріальном*ъ и *формальном*ъ. Это свидѣтельствуетъ о внѣшнемъ и внутреннемъ ростѣ и совершенствованіи его нормъ и заслуживаетъ нашего вниманія.

1. Территоріальное распространеніе Международнаго Права.

Вопросъ о *территоріальном*ъ примѣненіи международнаго права не лишенъ значенія и на практикѣ. Въ этомъ отношеніи легко подмѣтить, среди писателей, два направленія: одни, позитивисты, даютъ международнымъ нормамъ извѣстную *территоріальную* ограниченность, видя въ ней одно изъ условій, вліяющихъ на самое содержаніе нормъ; другіе, идеалисты, напротивъ, выдвигаютъ на первый планъ *универсальный*, міровой характеръ послѣднихъ.

Такъ съ половины XVIII в. (со времени Мозера и Гюнтера) писатели стали называть международное право *европейскимъ*. Этотъ эпитетъ удерживаетъ за нимъ и Гефтеръ въ заглавіи своего сочиненія. Но сама жизнь проявила узкость подобнаго обозначенія: оно указываетъ только на страну первоначальнаго возникновенія международнаго права и отнюдь не можетъ значить будто сфера его примѣненія ограничивается одною Европою. Къ этому материку, какъ міръ ему равный, присоединилась Америка, и вотъ позитивисты, чтобы быть послѣдовательными, заговорили объ европейско-американскомъ международномъ правѣ (Кальво, Прадье-Фодере). Но и это не соотвѣтствуетъ прогрессивному территоріальному распространенію международнаго права въ наши дни. Нельзя также давать ему названія права только христіанскихъ народовъ или цивилизованныхъ государствъ [1]). Христіанство, безспорно, какъ мы видѣли выше, содѣйствовало возникновенію международнаго права и, по сходству своихъ началъ съ его идеями, оказываетъ вліяніе на его дальнѣйшее развитіе, но международное право тѣмъ не менѣе не покоится на религіи: оно есть самостоятельная система права.

Что же касается до его пріуроченія только къ цивилизованнымъ народамъ, то, въ этомъ случаѣ, внѣ его дѣйствія окажутся племена нецивилизованныя и затѣмъ съ точки зрѣнія этого обозначенія трудно склонить къ принятію его нормъ такія государства (Азіи), которыя хотя и пользуются цивилизаціею болѣе древнею, чѣмъ европейская и даже христіанская, но до послѣдняго времени не имѣли о немъ понятія.

Въ противоположность этому направленію другіе указываютъ, какъ замѣчено, на универсальность международнаго права: оно есть, говорятъ они, право всего человѣчества, раздѣленнаго на народы или же на самостоятельныя государства. Такъ смотрятъ на него, напр., Блюнчли [2]), Контуцци [3]), Даневскій [4]).

---

[1]) Послѣднее обозначеніе находимъ въ заглавіи сочиненій Блюнчли и Мартенса.

[2]) Дѣйствіе международнаго права не ограничивается семьею европейскихъ народовъ, но распространяется на всю поверхность земли, гдѣ только соприкасаются люди. Оно совпадаетъ съ правомъ всего человѣчества". (Ст. 7 и 8).

[3]) Сочиненіе его озаглавлено: Il Diritto delle Genti dell'umanità. 1880.

[4]) „Въ принципѣ не можетъ быть и рѣчи объ исключеніи какого-либо народа (государства) изъ международнаго сообщества, имѣющаго всемірное распространеніе и

Это воззрѣніе, отличающееся своею возвышенностью, имѣетъ въ виду конечную цѣль международнаго права, но, очевидно, не соотвѣтствуетъ его современному состоянію, какъ права положительнаго. Поэтому вѣрнымъ будетъ сказать, что международное право, по идеѣ, есть право человѣчества, но, какъ право положительное, оно пока соединяетъ народы Европы и Америки и лишь частично распространяется на народы Азіи и Африки.

Вообще въ этомъ отношеніи должно различать на землѣ *три* группы народовъ [1]):

1. Европейско-американскій міръ. Здѣсь международное право наиболѣе живо и дѣйственно: зародившись въ Европѣ, оно, съ успѣхами европейской колонизаціи постепенно распространилось на страны другихъ материковъ, на Америку и на Австралію. Въ Америкѣ за послѣднее столѣтіе возникли цвѣтущія, самостоятельныя государства и, вѣроятно, та же участь предстоитъ и колоніямъ Австраліи. Пока же практически важенъ вопросъ о *взаимныхъ сношеніяхъ Европы и Америки*, этихъ двухъ передовыхъ материковъ. Нельзя не признать между ними нѣкоторыхъ глубокихъ *политическихъ* различій: между тѣмъ какъ въ Старомъ Свѣтѣ господствуетъ монархическая форма правленія (конституціонная въ западной Европѣ [2]) и неограниченная въ восточной), въ Новомъ утвердилась республика въ представительной формѣ; Америкѣ неизвѣстенъ гнетъ милитаризма, который является въ Европѣ послѣдствіемъ старой глубокой розни между государствами; поэтому, главнымъ образомъ, С. Штаты дѣлаютъ гигантскіе шаги впередъ въ экономическомъ отношеніи и угрожаютъ опередить Европу и даже вытѣснить ее на міровомъ рынкѣ. Благодаря тому же явленію, милитаризму, европейскія государства истощаютъ всѣ лучшія

о нераспространеніи на него международнаго права“ (Пособіе къ изученію исторіи и системы Международнаго права. 1892. I, 103).

[1]) Лоримеръ дѣлитъ человѣчество на цивилизованное (Европа—Америка), варварское (азіятскія государства) и дикое (дикія племена; Institutes of Intern. Law); Гольцендорфъ признаетъ четыре группы государствъ: страны Европы; тѣ, которыя образовались благодаря колонизаціи европейцевъ; Турція и наконецъ остальныя государства Азіи и Африки (Handb. I, 17). Но нечего Турцію выдѣлять въ особую группу; вторую же группу слѣдуетъ слить съ первою.

[2]) Кромѣ, однако, республикъ Швейцаріи и Франціи.

свои силы во взаимномъ соперничествѣ и, постоянно вводя у себя все новые налоги, только идутъ все къ бо̀льшему разоренію. Европа, въ наши дни, политически управляется шестью великими державами, которыя образовали, собственно говоря, двѣ большія политическія группы (или союза: тройственный и франко-русскій, хотя, быть-можетъ, и не формальный).

Ничего подобнаго не встрѣчаемъ мы въ Новомъ Свѣтѣ: тамъ республики, частію вслѣдствіе своего недавняго историческаго прошлаго, частію по однородности политическихъ принциповъ, давно уже мечтаютъ о бо̀льшемъ взаимномъ сближеніи посредствомъ федеративныхъ узъ, о введеніи таможеннаго союза, объ устраненіи войны путемъ правильной международной юстиціи. Весьма возможно, что эти попытки, такъ или иначе, увѣнчаются успѣхомъ. Болѣе всего онѣ исходятъ отъ С. Штатовъ, которыя играютъ роль руководящей державы въ Америкѣ. Другой подобной великой державы тамъ не имѣется[1]). Благодаря необычайнымъ и быстрымъ успѣхамъ на политическомъ и экономическомъ поприщѣ за первое столѣтіе своего существованія, Штаты, особенно въ послѣднее время, стали все рѣшительнѣе втягивать американскій континентъ въ сферу своей политики и нѣсколько обострять свою обособленность и самостоятельность отъ Европы. Ходячей формулой этой ихъ національной, а по временамъ и наступательной политики, являются слова: «Америка для Американцевъ». Эта формула вполнѣ законна и вѣрна, поскольку она касается внѣшней и внутренней *независимости* Новаго Свѣта и развитія его благосостоянія, но она не вѣрна, если понимать ее въ смыслѣ новѣйшихъ американскихъ націоналистовъ, т.-е. въ смыслѣ *противоположности* и *враждебности* американскаго міра европейскому. Таковая не можетъ быть допущена ни исторически, ни теоретически. Различія въ степени культуры или въ проявленіи ея въ отдѣльныхъ областяхъ не колеблютъ еще основъ международнаго права, разъ признающія его государства проникнуты сознаніемъ его необходимости. А между тѣмъ американская цивилизація и европейская имѣютъ общіе корни въ христіанствѣ и классическомъ мірѣ и однимъ изъ луч-

[1]) Хотя въ южной Америкѣ къ первенствующей роли стремятся, говорятъ, Аргентина и Чили.

шихъ плодовъ этой единой и универсальной культуры и является международное право [1]). Поэтому Америка не только обязана Европѣ своею цивилизаціею въ прошломъ, но и все благосостояніе ея въ будущемъ обусловлено тѣснымъ и постояннымъ общеніемъ съ Старымъ Свѣтомъ. Вотъ почему, на основаніи международнаго права, должно осудить какъ претензіи С. Штатовъ на какую бы то ни было гегемонію надъ американскимъ материкомъ, такъ и систематическое обособленіе его отъ Европы. Сношенія между ними должны покоиться на *началахъ полнаго равенства и обоюдной независимости, но подъ условіемъ самаго широкаго и дружественнаго общенія.* Европа лишена уже права заводить на американскомъ континентѣ колоніи, дѣлать тамъ завоеванія или навязывать за-атлантическимъ республикамъ какіе бы то ни было свои принципы: религіозные, политическіе или экономическіе [2]). Но, съ

---

[1]) *Holtzendorff.* Ib. стр. 12. Но нельзя съ нимъ согласиться, когда онъ, однако, говоритъ о допустимости особаго *американскаго* или *азіятскаго* международнаго права, еслибы на основаніи нѣкоторыхъ общихъ отличительныхъ чертъ въ культурѣ этихъ континентовъ со временемъ возникла и различная отъ европейской система юридическихъ правилъ въ сношеніяхъ ихъ государствъ. Подобныя особенности даже отъ материка къ материку не представляютъ еще высшей принципіальной универсальности международныхъ нормъ.

[2]) Противъ этого основнаго правила государства ея два раза особенно погрѣшили: въ эпоху Веронскаго конгресса, члены Священнаго Союза мечтали о подавленіи возстанія испанскихъ колоній въ Америкѣ противъ своей метрополіи и во время мексиканской экспедиціи, со стороны Наполеона III. Въ обоихъ случаяхъ С. Штаты, оказали, какъ извѣстно, энергичный отпоръ. Первою изъ этихъ попытокъ европейскаго вмѣшательства было вызвано и извѣстное посланіе президента Монрое къ конгрессу (2 дек. 1823 г.), въ которомъ Вашингтонскій кабинетъ, заявляя о своемъ намѣреніи не противиться мирному соглашенію возставшихъ колоній съ ихъ метрополіею и не присоединять къ себѣ какой-либо части ихъ территоріи, ставитъ, однако, на видъ, что онъ не можетъ допустить, чтобы союзныя державы Европы перенесли свои политическіе принципы въ ту или иную часть Америки. Это было бы прямою опасностію для благосостоянія и спокойствія самихъ Штатовъ. Не менѣе энергичны были депеши Сюарда къ французскому кабинету по поводу мексиканскихъ событій въ 1864 и 66 г. (*Calvo.* Le droit intern V. I).

Бросая общій взглядъ на отношенія С. Штатовъ къ Европѣ, нельзя не отмѣтить прежде всего того факта, что они не принимали участія въ обсужденіи великихъ *политическихъ* вопросовъ нашего матери ка: делегаты ихъ не засѣдали на конгрессахъ Вѣнскомъ (1815 г.), Парижскомъ (1856) и Берлинскомъ (1878), но они, помимо многочисленныхъ *договоровъ* съ отдѣльными европейскими правительствами, стали присоединяться къ такимъ *международнымъ актамъ Европы,* которые, по природѣ своей, носятъ характеръ *универсальный и юридическій.* Болѣе или менѣе чуждые жгучимъ вопросамъ политики, эти акты касаются области человѣколюбія, соціальныхъ инте-

другой стороны, С. Штаты не имѣютъ никакого права вытѣснять европейцевъ изъ ихъ американскихъ владѣній или даже вмѣшиваться въ эти отношенія. Высшая ихъ задача ограничивается тѣмъ, что они, какъ передовая держава на своемъ материкѣ, призваны стоять на стражѣ его свободы, но они совершили бы тяжкое нарушеніе международнаго права, если бы закрыли Америку для европейскихъ эмигрантовъ или товаровъ. Это было бы, кромѣ того, не менѣе вопіющимъ нарушеніемъ и принциповъ самой «амери-

---

ресовъ, высшихъ благъ цивилизаціи и т. п. Конечно, правило это не должно быть понимаемо въ абсолютномъ смыслѣ. Штаты не присоединились къ парижской морской декларации 1856 г., потребовавъполной неприкосновенности частной собственности на морѣ во время войны и тѣмъ затормозивъ реформу морскаго права, но они приняли Женевскую конвенцію 1864 г. и даже дополнительныя къ ней статьи 1868 г. о вспомоществованіи больнымъ и раненымъ въ морскихъ войнахъ, чего не сдѣлали европейскіе кабинеты. Штаты входятъ въ составъ всеобщаго почтоваго союза и промышленной уніи, но они не члены уній телеграфной и литературной. Къ телеграфному союзу они не пристали потому что на ихъ территоріи телеграфъ эксплуатируется не государствомъ, а частными обществами, которыя, впрочемъ, могутъ присоединяться къ телеграфному союзу и это дѣлаютъ. Съ другой стороны, однако, и сами Штаты приступили къ парижской конвенціи 1884 г. объ охранѣ кабелей въ мирное время. Промышленная унія не простирается даже на многія европейскія государства, а къ литературной Штаты относятся враждебно, ибо, подобно Россіи, не признаютъ международной охраны авторскаго права. Наконецъ они подписались подъ парижскою метрическою конвенціею 1875 г. и делегаты ихъ принимали участіе въ работахъ двухъ примѣчательнѣйшихъ международныхъ конференцій послѣднихъ лѣтъ: берлинской 1884—85 г. о Конго и Нигерѣ и брюссельской 1889—90 г. относительно прекращенія невольничества въ Африкѣ.

Чрезвычайно важно, въ интересахъ свободы міровыхъ сношеній, чтобы со временемъ надъ Панамскимъ каналомъ, когда онъ будетъ, наконецъ, доведенъ до конца, былъ установленъ совмѣстный контроль всѣхъ цивилизованныхъ государствъ (а не исключительно С. Штатовъ, какъ это пытался провести неоднократно въ своихъ депешахъ Блэнъ). Дѣло это слѣдовало бы поручить особой и независимой международной коммиссіи.

Что же касается до остальныхъ республикъ Новаго Свѣта, то большинство изъ нихъ присоединилось къ названнымъ общечеловѣческимъ (не только международнымъ) актамъ (парижской, морской;—женевской;—берлинской, почтовой) и въ экономическомъ отношеніи тяготѣетъ гораздо болѣе къ Европѣ, нежели къ С. Штатамъ: благодаря протекціонной политикѣ послѣднихъ, онѣ бо́льшую часть своей торговли ведутъ не съ С. Штатами, а съ Европою, оттуда надолго еще будутъ получать столь нужныхъ имъ работниковъ и капиталы. Наконецъ на этихъ дняхъ заводятся въ Аргентинѣ и Бразиліи новыя обширныя колоніи евреевъ, что является одною изъ желательныхъ формъ рѣшенія сложнаго еврейскаго вопроса. Какъ бы то ни было, но чѣмъ долѣе, тѣмъ болѣе сношенія между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ должны оживиться и распространиться ко благу ихъ обоихъ.

канской» свободы, иначе говоря, тѣхъ основъ, на которыхъ покоится весь общественный строй Америки. Временныя или мѣстныя стѣсненія, нерѣдко неизбѣжныя, никогда не должны подрывать самаго принципа этой свободы. Нарушенія его могутъ оправдать примѣненіе къ виновному самыхъ строгихъ репрессалій, усиленныхъ даже до войны.

Обращаясь теперь къ народамъ не нашей, христіанской, культуры, мы, прежде всего, должны разсмотрѣть общій вопросъ: приложимо ли къ нимъ международное право?

Строгіе позитивисты должны дать на это отрицательный отвѣтъ, ибо международное право, чуждое жизни и сознанію нехристіанскихъ народовъ, не можетъ быть для нихъ обязательно. «Международныя отношенія, читаемъ мы у Мартенса, покоятся на идеѣ общенія, которое немыслимо безъ солидарности интересовъ и общихъ стремленій, соединяющихъ народы. Между тѣмъ мусульманскія земли управляются исключительно на основаніи Корана, который относится враждебно и нетерпимо ко всѣмъ иновѣрческимъ народамъ. Что касается варварскихъ племенъ, то они не только не чувствуютъ потребности въ международныхъ сношеніяхъ, но обыкновенно не имѣютъ даже твердой общественной организаціи и опредѣленныхъ территоріальныхъ границъ.»

Но, съ другой стороны, авторъ не отрицаетъ, что между образованными и необразованными народами поддерживаются фактическія сношенія и чтобы они не подлежали вовсе опредѣленію права. Но какого? По его мнѣнію, «*права естественнаго*, представляющаго совокупность извѣстныхъ началъ, которыя вытекаютъ изъ нравственной природы и разума человѣка. Оно требуетъ, напр., исполненія даннаго честнаго слова и вообще принятыхъ на себя обязательствъ, уваженія къ жизни, чести, собственности другаго человѣка и т. д., но, примѣняемое къ сношеніямъ, съ необразованными народами, оно не предполагаетъ ни солидарности интересовъ, ни сознанія необходимости взаимныхъ сношеній и, слѣдовательно, не тождественно съ положительнымъ международнымъ правомъ» [1]).

Съ этою аргументаціею невозможно согласиться: во 1-хъ, при

---

[1]) Соврем. Межд. Право. Т. I.

отсутствіи въ сношеніяхъ между людьми «солидарности интересовъ» и «общности сознанія» невозможно между ними никакое право, даже естественное; во-2-хъ, все, что можно сказать противъ примѣненія къ народамъ не нашей культуры международнаго права приложимо въ той же силѣ и къ праву естественному, но оно въ добавокъ отличается неопредѣленностью и шаткостью своихъ началъ, поэтому искони понималось и толковалось различно, сообразно съ субъективными воззрѣніями и произволомъ тѣхъ, кто къ нему прибѣгалъ. Особенно же въ воззрѣніяхъ на него будутъ всегда далеко расходиться цивилизованные народы и грубыя племена. Поэтому, въ 3-хъ, гораздо вѣрнѣе къ послѣднимъ примѣнять не туманныя идеи естественнаго права, лишенныя всякой конкретной реальной почвы, а твердые принципы права международнаго, выработанные совмѣстною жизнію всего цивилизованнаго человѣчества и поэтому, хотя *положительные*, но, по природѣ своей *общечеловѣческіе*, или становящіеся таковыми. Само собою разумѣется, что примѣненіе это должно идти постепенно и всегда въ уровень съ пониманіемъ и принятіемъ его началъ каждымъ малообразованнымъ народомъ въ отдѣльности; здѣсь допустимы поэтому множество оттѣнковъ; при охранѣ международныхъ нормъ могутъ быть тутъ необходимыми бо̀льшая суровость и энергія. Словомъ, *общность* на почвѣ права тутъ должна всегда идти рука объ руку съ развивающейся *взаимностью* сношеній между народами нашей и иныхъ культуръ [1]).

Другой вопросъ: можно ли, въ крайнемъ случаѣ, распространять дѣйствіе международнаго права на народы низшей или иной цивилизаціи даже силою?

---

[1]) Такъ вполнѣ вѣрно смотритъ на этотъ вопросъ и *Даневскій*: „нельзя, говоритъ онъ, въ отношеніяхъ между культурными и малокультурными народами замѣнить прочныя основы международнаго права измѣнчивыми и ведущими къ произволу началами естественнаго права. Какъ же быть? Становясь на историческую точку зрѣнія, подлежитъ приноравливать единственно возможныя, прочныя основы этихъ отношеній (нормы международнаго права) къ тѣмъ особеннымъ условіямъ, въ которыхъ находятся еще эти низшіе народы. Международныя нормы, непригодныя болѣе въ сношеніяхъ между европейцами, должны быть, насколько это необходимо, примѣнимы въ отношеніяхъ европейцевъ къ дикимъ и полудикимъ народамъ. Напр., при заключеніи съ ними договоровъ требовать, въ видахъ лучшаго обезпеченія послѣднихъ, присяги и заложниковъ; во время войны прибѣгать къ бо̀лѣе суровымъ репрессаліямъ и т. д.“ (Пособіе; I, 105—106].

И по этому вопросу писатели несогласны: проф. Мартенсъ даетъ прямо отрицательный отвѣтъ: «между образованными и варварскими народами, замѣчаетъ онъ, не существуетъ взаимности, нѣтъ международнаго общенія, а слѣдовательно не можетъ быть и взаимныхъ правъ и обязанностей, относящихся до международныхъ сообщеній. Естественное же право, обязательное въ ихъ сношеніяхъ, исключаетъ всякія насилія, не вызванныя собственнымъ незаконнымъ поведеніемъ варваровъ.»

Однако большинство интернаціалистовъ (и между ними Гефтеръ, Блюнчли, Гольцендорфъ, Гарейсъ) оправдываютъ, въ указанномъ случаѣ, примѣненіе силы. Это сообразно съ практикою и, говоря вообще, допустимо во имя принциповъ международнаго права и человѣколюбія, но, конечно, подъ условіемъ, чтобы такое принужденіе всегда согласовалось со строгими принципами этого права, т.-е. чтобы оно примѣнялось въ крайнихъ случаяхъ и не выражалось въ порабощеніи, а тѣмъ менѣе въ истребленіи варваровъ. Цѣль его—путемъ мирныхъ и постоянныхъ съ ними сношеній постепенно привлечь ихъ къ высшей, человѣческой культурѣ.

Переходя къ слѣдующимъ группамъ народовъ, мы должны отличать:

2. *Народы Азіи:* магометанскіе (Турція, Персія) и языческіе (Китай, Японія), которые пользуются культурою частію обособившеюся отъ нашей, но не совсѣмъ ей чуждою, частію гораздо болѣе древнею и вполнѣ оригинальною. Это тоже въ извѣстномъ смыслѣ народы цивилизованные, но дышащіе ненавистью къ началамъ христіанства и европеизма и давно уже утратившіе въ себѣ самихъ духъ жизни. Исторія показываетъ намъ, что постепенно и они втягиваются въ сферу болѣе тѣсныхъ сношеній съ европейцами, которыхъ однако они, къ сожалѣнію, не безъ вины послѣднихъ, продолжаютъ считать своими злѣйшими врагами.

Въ сношеніяхъ европейцевъ съ этими государствами Азіи, главнымъ образомъ, примѣняются нормы международнаго права, какъ онѣ высказаны и признаны въ *договорахъ* съ ними. Такимъ образомъ, лишь частично и всегда въ конкретной формѣ договорнаго права, нормы эти постепенно распространяются на государства Азіи въ той именно степени, въ какой ихъ народы пріучаются представлять себѣ право, какъ нѣчто самостоятельное отъ рели-

гіи и морали и съ характеромъ универсальнымъ, общечеловѣческимъ въ сферѣ международной.

Затѣмъ важное исключеніе изъ общаго правила представляетъ *охрана частныхъ лицъ*. Государства Европы, а за ними и Америки, выговорили себѣ, на территоріи названныхъ азіятскихъ державъ, право *консульской юрисдикціи*, въ силу которой подданные ихъ подлежатъ тамъ, какъ извѣстно, не мѣстнымъ, а отечественнымъ судамъ своихъ консуловъ. Въ послѣднее время зашла рѣчь о замѣнѣ этихъ *консульскихъ судовъ*, самостоятельно назначаемыхъ отдѣльными государствами, такими *смѣшанными судами*, на подобіе введенныхъ въ Египтѣ, въ которыхъ государства сообща назначаютъ своихъ членовъ и привлекаютъ къ нимъ представителей отъ мѣстнаго правительства. Это—важный шагъ впередъ въ видахъ сближенія европейцевъ и азіатовъ на почвѣ права, но дѣлать его слѣдуетъ всегда съ большою осмотрительностію.

Въ сношеніяхъ своихъ съ цивилизованными державами Азіи европейцы, вообще говоря, впадаютъ въ два тяжкіе грѣха: они обыкновенно презрительно и высокомѣрно относятся къ вѣковымъ особенностямъ и воззрѣніямъ ихъ населеній; считая себя людьми высшей расы, а тѣхъ полу-варварами, они своими насиліями и неразборчивыми дѣйствіями внушаютъ азіатамъ неуваженіе къ своей дѣйствительно высшей цивилизаціи и не желаніе добровольно ее воспринять, а только глубокое къ ней презрѣніе и даже ненависть. И особенно строго винить послѣднихъ за это нельзя, если принять въ соображеніе, что о великихъ истинахъ христіанской культуры имъ приходится судить большею частію по тѣмъ жалкимъ ея служителямъ, которые къ нимъ являются.

Затѣмъ, во-вторыхъ, напрасно европейскіе кабинеты втягиваютъ эти державы Азіи въ свои взаимные счеты и распри. Этимъ они болѣе всего роняютъ въ ихъ глазахъ собственный кредитъ и авторитетъ. На раздорахъ европейскихъ кабинетовъ строятъ обыкновенно азіятскіе политиканы свое имъ противодѣйствіе и постоянную оппозицію. Особенно слѣдовало бы европейскимъ государствамъ сговориться на счетъ того, чтобы не обучать азіятовъ своимъ военнымъ искусствамъ и техникѣ, ни посылать къ нимъ собственныхъ инструкторовъ; вообще же по отношенію къ нимъ всячески и строго оберегать свои *военныя изобрѣтенія и улучше-*

нія и въ этомъ отношеніи всѣмъ имъ дѣйствовать дружно и за одно. Тогда не будутъ имъ страшны никакія полчища Азіи, а ея кичащимся своею древнею цивилизаціею народамъ поневолѣ придется смириться предъ Европою и стать по отношенію къ ней въ зависимое положеніе, безъ полной, однако, утраты собственной независимости [1]).

---

[1]) Изъ перечисленныхъ азіятскихъ государствъ насъ болѣе всѣхъ интересуетъ *Турція*: съ нею Европа ранѣе всего завязала правильныя сношенія. Первый примѣръ къ тому подала Франція: еще въ 1528 и 1535 г. она, въ особыхъ капитуляціяхъ, добилась признанія за ея консулами права юрисдикціи на турецкой территоріи. Тогда же король ея, Францискъ I, не побрезгалъ заключить союзъ съ султаномъ Солиманомъ II, чтобы тѣмъ успѣшнѣе бороться съ могущественнымъ своимъ соперникомъ, Карломъ V. Позднѣе этому примѣру послѣдовали Англія, Австрія и др. Долгое время Турція была вѣчною военною грозою для христіанскихъ державъ и никогда не заключала съ ними мира, а только перемирія, возводя чрезъ это войну какъ бы въ законъ своихъ отношеній къ иновѣрнымъ. Лишь съ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира (1774) это измѣняется. Отъ Турціи, главнымъ образомъ при помощи Россіи, начинаютъ выдѣляться самостоятельныя христіанскія государства. На парижскомъ конгрессѣ (1856 г.) великія державы торжественно приняли ее „въ составъ европейскаго концерта“ и объявили о распространеніи на нее нормъ международнаго права (avantages du droit public). Но это не сдѣлало ее еще равноправнымъ членомъ въ семьѣ европейскихъ народовъ: бумажныхъ декларацій недостаточно, если имъ не соотвѣтствуютъ требуемые ими факты. Европа скоро убѣдилась въ необходимости коллективнаго надзора и опеки надъ государствомъ, которое дѣйствительно давно уже было „больнымъ человѣкомъ“. Распаденіе Турціи не болѣе какъ вопросъ времени: она должна уступить мѣсто тѣмъ христіанскимъ племенамъ, которыхъ впродолженіе вѣковъ держала въ столь тяжкой неволѣ.

Съ другою мусульманскою державою, съ *Персіею,* договоры о консульской юрисдикціи восходятъ къ началу прошлаго столѣтія. Особенно Россія уже съ того времени выговорила широкія права своимъ консуламъ и подданнымъ на персидской территоріи.

Торговыя сношенія европейцевъ съ *Китаемъ* возникли съ XVI ст.: португальцы утвердились въ Макао съ 1537 г. Первый договоръ съ нимъ заключила Россія въ Нерчинскѣ (1689), но лишь по Кульджинскому трактату (1851) она получила право назначать въ Китай своего консула, впрочемъ, съ весьма ограниченною юрисдикціею. Послѣдняя расширена по послѣдующимъ трактатамъ. Доселѣ сношенія Россіи съ Китаемъ, въ продолженіи двухъ вѣковъ были мирныя и, по преимуществу, торговыя. Но Китаю приписываютъ намѣреніе отнятія у насъ Амурскаго края и на него, въ этомъ отношеніи, расчитываютъ какъ на союзника западныя державы въ возможной войнѣ ихъ съ Россіею. Эти державы, особенно Англія, силою потребовали отъ Китая открытія для европейцевъ извѣстныхъ портовъ, устройства тамъ торговыхъ конторъ и допущенія консульской юрисдикціи (начиная съ Нанкинскаго мира 1842 г.). Число этихъ открытыхъ конторъ съ того времени постоянно росло, а консуламъ въ Китаѣ дана даже болѣе широкая юрисдикція, чѣмъ въ мусульманскихъ странахъ. Достойно вниманія, что, по воззрѣніямъ китайцевъ, императоръ ихъ есть верховный владыка

3. Къ послѣдней третьей группѣ должны быть отнесены *варвары* вообще, или *дикія племена,* которыя либо не достигліеще правильной общественной организаціи и ведутъ жизнь кочевую, либо, уже перейдя къ земледѣлію, установили у себя нѣкоторую государственную власть, хотя и въ грубой первоначальной формѣ деспотизма. При соприкосновеніи съ народами высшей цивилизаціи, они, какъ будто, по какому-то роковому закону быстро вымираютъ, но это, само собою разумѣется, не даетъ европейцамъ никакого права истреблять ихъ или даже, безъ вознагражденія, отнимать ихъ земли и имущества. Международное право должно простирать на нихъ охранительную силу своихъ нормъ. Долгое время европейцы позволяли себѣ, по отношенію къ людямъ такъ-называемыхъ низ-

---

вселенной, по отношенію къ которому всѣ остальныя независимыя государства поставлены въ положеніе вассаловъ и данниковъ; договоры съ ними, даже послѣ несчастныхъ для Китая войнъ, суть только со стороны богдыхана милости и уступки. Отсюда требованіе отъ иноземныхъ посланниковъ соблюденія разныхъ унизительныхъ и нелѣпыхъ церемоній. При такомъ воззрѣніи международное право отрицается въ принципѣ. Теперь все это измѣнилось и китайскія фикціи болѣе и болѣе уступаютъ мѣсто силѣ реальныхъ фактовъ. Китай не только принимаетъ у себя иностранныхъ представителей, но и самъ посылаетъ таковыхъ въ Европу, причемъ одному лицу поручаетъ состоять одновременно при нѣсколькихъ ея дворахъ. Въ послѣднее время правительство его даже стало обращать вниманіе на европейскія сочиненія по международному праву: стараніями его изданы переводы на китайскій языкъ сочиненій: Блюнчли (1880) и Уитона.

Правильному развитію сношеній европейскихъ народовъ съ Поднебесной Имперіей, кромѣ отдѣльныхъ ошибокъ правительства и увлеченій миссіонеровъ, болѣе всего мѣшаютъ въ наши дни: обширный ввозъ изъ Остъ-Индіи въ Китай опіума, оказывающаго такое убійственное дѣйствіе на людей желтой расы, и ограниченіе права послѣднихъ выѣзжать въ Америку и Австралію и селиться тамъ—ограниченіе мѣстами доходящее до полнаго запрещенія. Въ интересахъ бѣлой расы переселенія китайцевъ, разумѣется, должны быть урегулированы, смотря по потребностямъ отдѣльныхъ мѣстностей, куда они направляются, но систематическое ихъ запрещеніе нарушаетъ принципы международнаго права..

Но изъ всѣхъ государствъ Азіи наиболѣе прогрессивными стремленіями отличается *Японія.* Сочувствуя болѣе другихъ европейской цивилизаціи, она, многими крупными реформами въ своей внутренней жизни, далеко опередила Китай и особенно Турцію. Молодые японцы нерѣдко пріѣзжаютъ учиться въ европейскихъ университетахъ.—Впервые европейцы проникнули въ Японію еще въ 1642 г., но лишь съ договора 1854 г. (съ С. Штатами и Англіею) она вышла изъ своей тысячелѣтней замкнутости. Россія быстро послѣдовала этому примѣру и заключила также съ нею договоръ въ 1855 г. въ Симодѣ. Въ 1872 году Японія приняла нашъ календарь, а въ 1886 году она присоединилась къ Женевской конвенціи. Кромѣ того, она примкнула къ парижской морской декларації.

шихъ расъ, самыя возмутительныя насилія и беззаконія. Но въ нашемъ столѣтіи замѣтны повороты къ лучшему: европейцы принялись за энергическое преслѣдованіе торговли неграми и рабами вообще и прямо признали свою обязанность заботиться о матеріальномъ и духовномъ состояніи туземцевъ Африки во всѣхъ тѣхъ странахъ ея, гдѣ они утвердятъ свою власть, или только протекторатъ. Въ этихъ видахъ они высказываютъ желаніе покровительствовать духовнымъ, научнымъ и филантропическимъ учрежденіямъ, имѣющимъ преслѣдовать указанную цѣль, бороться вездѣ съ устарѣлымъ тамъ институтомъ рабства и прямо запрещаютъ даже въ большей части Африки *подвозъ* къ туземнымъ ея населеніямъ *огнестрѣльнаго оружія* и *спиртныхъ напитковъ*, а также *торговлю* ими (акты берлинской конференціи 1885 и особенно брюссельской 1890 г.). Эти постановленія необходимо примѣнять во всей строгости и даже значительно расширить сферу ихъ дѣйствія, ибо при помощи такихъ и подобныхъ имъ мѣръ можно надѣяться на прекращеніе вымиранія природныхъ жителей чернаго континента, для котораго они составляютъ, и въ глазахъ европейца, самыхъ лучшихъ и нужныхъ обработывателей.

Позитивисты утверждаютъ, что договоры, заключаемые европейскими правительствами съ вождями дикихъ племенъ, относительно уступки имъ земель, не создаютъ для первыхъ права занятія этихъ земель, ибо не передаютъ еще верховенства надъ послѣдними. Такіе договоры, говоритъ Геймбургеръ, со строго юридической точки зрѣнія, безспорно не имѣютъ международной силы и значенія. Но, съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ цивилизованныя государства считаютъ ихъ однако обязательными и уважаютъ ихъ постановленія, какъ во взаимныхъ сношеніяхъ, такъ и примѣнительно къ варварамъ. Въ этой практикѣ сказывается современное правосознаніе, требующее, чтобы народы находящіеся на низкомъ уровнѣ государственнаго или культурнаго развитія и не состоящіе членами и субъектами международнаго союза (internationalen Rechtsgemeinschaft)—тѣмъ не менѣе пользовались бы однако благами международнаго права и чтобы къ нимъ примѣнялись вообще, насколько возможно, его принципы. Такимъ образомъ между ними и членами международнаго союза (Völkerrechtsgemeinschaft) возникаютъ даже quasi—международныя отношенія

и обязательства, которыя, не имѣя характера stricti juris, должны быть однако уважаемы на основаніи естественной справедливости и bona fides, которыя можно требовать отъ государствъ цивилизованныхъ. Подобныя ожиданія и оправдали послѣднія въ своихъ новѣйшихъ колоніальныхъ предпріятіяхъ въ Африкѣ: они признали, что когда вожди тамошнихъ туземцевъ заключили съ однимъ изъ нихъ договоръ объ уступкѣ имъ земель, земли эти не могутъ быть позднѣе отданы третьему государству, а то *государство*, которое первоначально пріобрѣло ихъ, получаетъ, въ силу указаннаго договора, хотя *преимущественное* предо всѣми третьими государствами *право на занятіе* этихъ земель (Präventionsrecht zur Okkupation) [1]). Свою теорію авторъ обосновываетъ на томъ, что дикія племена, не зная верховной власти, въ государственномъ и въ международномъ смыслѣ, не могутъ и по договору передать ее другимъ: они владѣютъ своими землями на *частно*, а не на *публично-правовомъ* основаніи, въ современномъ смыслѣ. Отсюда требуется еще, чтобы земли, о которыхъ мы говоримъ, были *дѣйствительно заняты* правительствомъ, заключившимъ объ этомъ договоръ съ ихъ хозяевами. Въ *занятіи*, а не въ *договорѣ*, лежитъ юридическая сила этого *первообразнаго* способа установленія верховной власти надъ такими землями со стороны цивилизованнаго правительства [2]).

Съ этою теоріею, строго-послѣдовательною, нельзя согласиться, потому что она слишкомъ формально-узка: и съ международной точки зрѣнія должно всегда помнить, что дикія племена являются *хозяевами* земель, на которыхъ они сидятъ, и что передача ихъ, хотя бы на основаніи титуловъ *частнаго* права, должна считаться *юридически-дѣйствительною и въ международной области*. Принципы частнаго права для международнаго не менѣе дѣйствительны принциповъ публичнаго. Даже если дикіе замѣняютъ эти принципы религіозными или нравственными идеями или понятіями—послѣднія на цивилизованномъ языкѣ должны быть превращаемы въ юридическія обязательства и международное право уважаетъ и охраняетъ человѣческую личность повсюду на земномъ шарѣ.

---

[1]) *Hermburger*. Der Erwerb der Gebietshoheit. 1888; S. 113—114.

[2]) Ib. S. 112.

Само собою разумѣется, что за указанными договорами позднѣе должно слѣдовать *дѣйствительное занятіе* новыхъ земель, пріобрѣтающимъ ихъ государствомъ, но первоначальный титулъ на нихъ будетъ все-таки лежать не въ этомъ занятіи, а въ договорѣ.

2. Ростъ матеріальный нормъ Международнаго Права.

Территоріальному распространенію международнаго права въ наши дни соотвѣтствуетъ не менѣе быстрый ростъ его нормъ и въ *матеріальномъ* отношеніи. Подъ этимъ явленіемъ должно разумѣть ихъ распространеніе и выработку какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны. *Число* заключаемыхъ государствами договоровъ быстро ростетъ; договоры эти, въ отличіе отъ прежнихъ трактатовъ, чисто-политическихъ, распространяются все на *новыя области* сношеній между государствами и даютъ опредѣленную, однообразную регламентацію различнымъ соціальнымъ, экономическимъ и духовнымъ интересамъ народовъ, независимо отъ временныхъ, политическихъ и національныхъ вопросовъ и особенностей послѣднихъ. Затѣмъ къ такимъ обще-международнымъ актамъ или договорамъ, присоединяется все *большее число государствъ*: подобныя соглашенія поэтому съ самаго начала, а чѣмъ позднѣе, тѣмъ болѣе, не носятъ характера простыхъ обязательствъ, а скорѣе приближаются къ законодательнымъ нормамъ. Подробнѣе объ этомъ рѣчь должна идти въ отдѣлѣ о трактатахъ. Здѣсь же, для поясненія нашей мысли, укажемъ на нѣсколько примѣровъ.

Договоры, о которыхъ мы говоримъ, болѣе всего относятся къ праву войны и къ соціальному международному праву. Женевская коммиссія о больныхъ и раненыхъ воинахъ была первоначально заключена въ 1864 г. между девятью государствами, но постепенно къ ней присоединилось до тридцати двухъ различныхъ материковъ. И въ числѣ ея участниковъ мы видимъ страны не только христіанскія, но и мусульманскія (Турція, Персія) и даже языческую (Японію). На петербургской конференціи 1868 г. о разрывныхъ пуляхъ и брюссельской 1874 г., обсуждавшей законы и обычаи войны, принимали участіе делегаты большинства европейскихъ

государствъ. Парижская морская декларація принята до пятидесятью правительствами, хотя въ началѣ выработана лишь представителями великихъ державъ, засѣдавшими въ 1856 г. на парижскомъ конгрессѣ.

Еще болѣе указываемыя нами черты можно подмѣтить въ договорахъ, которыми установлены, за послѣднія тридцать лѣтъ, различныя между государствами уніи (союзы), а также въ актахъ конференцій: берлинской (1885) и брюссельской (1890). Это суть своего рода кодификаціи извѣстныхъ отдѣловъ международнаго права, причемъ въ работахъ первой принимали участіе 14 державъ, а послѣдней даже 17. Самый юридическій элементъ въ новѣйшихъ договорахъ получаетъ бо̀льшее значеніе и независимость отъ политическаго: все это свидѣтельствуетъ о внутреннемъ совершенствованіи и распространеніи международныхъ нормъ, т.-е. *матеріальномъ* ростѣ международнаго права, какъ права *положительнаго*. Сторона эта сама собою приводитъ насъ и къ третьей стадіи его улучшенія—*формальной*.

3. Ростъ формальный Международнаго Права.

Подъ *формальнымъ* ростомъ международнаго права мы разумѣемъ улучшеніе въ органахъ и способахъ его защиты. Практически всякое право крѣпнетъ и совершенствуется по мѣрѣ его соблюденія въ жизни и лучшей охраны отъ всякихъ на него посягательствъ. То же слѣдуетъ сказать и про международный порядокъ: чѣмъ живѣе и многостороннѣе становятся взаимныя сношенія его членовъ, тѣмъ чаще естественно могутъ и возникать между ними и недоразумѣнія, споры и даже столкновенія. Но тѣмъ ярче выступаютъ тутъ и недостатки существующихъ *процессуальныхъ* способовъ. До послѣдняго времени государства защищали свои права двумя главными путями: либо силой, либо посредствомъ дипломатіи. Въ томъ и другомъ способѣ, право, строго говоря, играетъ неважную роль. Если же при этомъ государства ссылаются иногда, въ относящихся сюда актахъ, на его нормы, то подобныя ссылки въ дѣйствительности нерѣдко являются лишь прикрытіями тѣхъ или иныхъ претензій для отвода глазъ противнику и мало имѣющихъ общаго съ правомъ.

Крайнее примѣненіе силы въ спорахъ между государствами есть война. Горкій опыть жизни убѣждаетъ народы и правительство въ непригодности этого способа. И силою вещей это убѣжденіе съ теченіемъ времени призвано рости въ средѣ цивилизованныхъ народовъ. Болѣе всего тому, наглядно для всѣхъ, свидѣтельствуютъ два обстоятельства: привлеченіе общею воинскою повинностію въ ряды войска почти всего мужскаго населенія и ужасающія совершенствованія въ орудіяхъ истребленія, которыми уже располагаетъ современная военная техника. Эти обстоятельства сильнѣе всего, повторяемъ, способны разсѣять иллюзіи и фантазіи, которыми, въ народномъ представленіи, часто еще бываетъ окружена война, благодаря вѣковымъ предразсудкамъ и привычкамъ. Во всякомъ случаѣ, для каждаго серьезнаго ума тутъ все яснѣе становятся двѣ истины: войною не столько оканчиваются споры между государствами, сколько бросаются сѣмена новыхъ, часто худшихъ и большихъ раздоровъ для будущаго и во 2-хъ, она становится несправедливымъ и излишнимъ способомъ рѣшенія этихъ великихъ споровъ въ виду выработки болѣе совершенныхъ мирныхъ процессуальныхъ формъ въ международной области.

Дипломатія не безъ основанія признаетъ одною изъ своихъ главныхъ задачъ поддержаніе между государствами добрыхъ и мирныхъ сношеній. Но будучи по существу выразительницею политическихъ и національныхъ интересовъ и воззрѣній извѣстнаго конкретнаго государства, она, при столкновеніи этихъ интересовъ, не имѣетъ никакого *высшаго и объективнаго мѣрила*, которымъ могла бы руководиться для возможно справедливаго, въ глазахъ всѣхъ, рѣшенія указанныхъ столкновеній. Мало того: неспособность ея въ этомъ направленіи большею частію усиливается съ обостреніемъ споровъ. Каждая сторона, стоя лишь на почвѣ собственныхъ интересовъ и требованій, считаетъ одну себя въ правѣ и всячески винитъ и чернитъ противника. Отсюда недалеко до прекращенія дипломатическихъ сношеній, до отдѣльныхъ насилій и даже до войны.

Необходимо, въ интересахъ всѣхъ, выдвинуть, какъ новый и болѣе рѣшающій факторъ въ тяжбахъ народовъ, *право* и притомъ *международное*, способное дать намъ то мѣрило, о которомъ мы намекали, и котораго лишена дипломатія сама по себѣ. Въ наши дни, особенно со времени Женевскаго третей-

скаго суда, рѣшившаго въ 1872 г. извѣстный Алабамскій споръ между Соединенными Штатами и Англіею, идея такого суда, въ международной области, дѣлаетъ видимые успѣхи не только въ теоріи, но и на практикѣ. Правительства чаще стали обращаться къ этому способу въ своихъ спорахъ, отводя ему нѣкоторое мѣсто въ ряду иныхъ мирныхъ мѣръ; затѣмъ они, въ нѣкоторыхъ договорахъ, соглашаются обращаться къ нему въ случаяхъ несогласій по поводу толкованія или примѣненія такихъ договоровъ. Противники, или точнѣе говоря скептики въ дѣлѣ третейской практики, перенесенной въ международную сферу, указываютъ на малую ея пригодность для споровъ болѣе важныхъ и крупныхъ. Но, очевидно, мы имѣемъ тутъ дѣло съ институтомъ новымъ и еще только начинающимъ пробиваться наружу. До какихъ границъ способенъ онъ развиться—объ этомъ никто теперь сказать не можетъ. Важно, чтобъ государства болѣе упорядочили весь этотъ способъ: создавая извѣстныя договорныя между собою отношенія, они должны признать за правило, чтобы третейскій судъ разбиралъ столкновенія, могущія возникнуть изъ этихъ обязательствъ, а также стараться, чтобы опредѣлить самую организацію этихъ судовъ и нормы ихъ дѣятельности. Зачатки всего этого мы уже находимъ въ жизни, но необходимо дать имъ окрѣпнуть и болѣе развернуться. Соединенные Штаты въ Америкѣ подаютъ въ этомъ отношеніи Европѣ примѣръ, который заслуживаетъ полнаго вниманія: на Вашингтонскомъ конгрессѣ 1889—90 г. международный третейскій судъ признанъ за принципъ публичнаго права Америки и обращеніе къ нему объявлено обязательнымъ большинствомъ американскихъ республикъ въ ихъ взаимныхъ раздорахъ [1]).

Итакъ современное международное право видимо развивается съ троякомъ направленіи: въ территоріальномъ, распространяясь все на новыя страны внѣ Европы, въ матеріальномъ, со стороны содержанія составляющихъ его положительныхъ нормъ, и наконецъ въ формальномъ, съ точки зрѣнія защиты и санкціи этихъ нормъ въ дѣйствительной жизни. Послѣдняя сторона безспорно еще са-

[1]) Договоръ, заключенный ими объ этомъ, вводится, какъ опытъ, на пятнадцать лѣтъ.

мая слабая: это объясняется столько же новизною, сколько трудностію предстоящей тутъ задачи: создать прочные органы и нормы вполнѣ юридическаго международнаго процесса, но на рѣшеніе этой проблеммы должна болѣе всего устремлять свои усилія наука международнаго права въ наши дни.

VI.

Научное и практическое значеніе изученія Международнаго Права.

Изученіе международнаго права представляетъ большой и многообразный интересъ, какъ съ *научной*, такъ и съ *практической* стороны.

Начнемъ съ первой. Выше было говорено о томъ, что международное право есть логическій *выводъ* изъ принциповъ всѣхъ другихъ отраслей права и въ то же время ихъ естественное и глубокое *завершеніе*. Въ этомъ отношеніи оно занимаетъ въ системѣ правовѣдѣнія то же мѣсто и значеніе, которое, по отношенію всѣхъ областей человѣческаго знанія, принадлежитъ философіи, какъ дисциплинѣ ихъ всѣхъ объединяющей и завершающей. Но есть между ними и важное различіе, лежащее въ томъ, что указанное положеніе международнаго права не есть только, какъ положеніе философіи, чисто теоретическое, отвлеченное и логическое,—а прежде всего *живое* и поэтому *разносторонне-реальное*. Вотъ почему международное право должно изучать *послѣ* всѣхъ другихъ областей права и при этомъ изученіи постоянно имѣть дѣло то съ одною, то съ другою изъ этихъ дисциплинъ. Но самостоятельный и своеобразный характеръ его неизбѣжно приводитъ изучающаго его къ *расширенію* и частію къ *исправленію* его *воззрѣній на право* и *на государство* вообще. Великія проблемы о ихъ возникновеніи, характерѣ и назначеніи требуютъ, въ свѣтѣ международныхъ принциповъ, покоящихся на идеѣ нравственнаго единства человѣчества, болѣе тщательнаго, критическаго пересмотра и новаго, болѣе глубокаго ихъ обоснованія. Международное право стремится, путемъ широкой, но возможно прочной организаціи совмѣстной жизни государствъ, укрѣпить между ними

справедливость и миръ, замѣнить войну другими способами процесса и даже отмѣнить ее, а это все предполагаетъ знакомство съ различными формами общежитія людей, съ ихъ сущностію и историческою смѣною.

Оно, далѣе, изъ всѣхъ частей права, наименѣе формальное, наименѣе, такъ сказать, отвердѣвшее въ опредѣленныхъ статьяхъ законовъ и распоряженій. Это ведетъ на практикѣ ко многимъ важнымъ неудобствамъ, но имѣетъ ту хорошую сторону, что ставитъ его въ *постоянную и живую связь со всѣми сторонами и явленіями общественной жизни нашего времени* и при томъ не того или иного конкретнаго государства, а всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Отсюда *быстрый его ростъ* въ зависимости отъ политическихъ событій, происходящій на глазахъ у насъ всѣхъ. Если международное право наименѣе формально, то оно, съ другой стороны, наиболѣе живо и жизненно изъ всѣхъ областей права.

Можно на это возразить, что государства въ своихъ взаимныхъ сношеніяхъ руководствуются не столько его принципами, сколько собственными интересами, а они часто противоположны и даже враждебны этимъ принципамъ. Это возраженіе падаетъ для болѣе серьезнаго ума во 1-хъ потому, что съ теченіемъ времени весь международный строй крѣпнетъ и слагается въ болѣе самостоятельный и прочный юридическій порядокъ съ независимыми (отъ политики) органами и нормами и, въ 2-хъ, на томъ основаніи, что, даже при теперешнихъ весьма несовершенныхъ порядкахъ международной жизни, не трудно замѣтить, что въ каждое данное время политическіе интересы той или иной великой державы, или же группы государствъ, по счастію всегда совпадаютъ съ тѣмъ, что можно назвать истиннымъ прогрессомъ и справедливостію въ международной сферѣ. Такъ самые политическіе интересы и антагонизмъ между ними служатъ, въ сущности, великому дѣлу правды на землѣ и ея конечному торжеству.

Не менѣе различенъ и богатъ интересъ соединенный съ изученіемъ международнаго права и въ *практическомъ* отношеніи. Знакомиться съ нимъ съ этой стороны должны *дипломаты* и *консулы*, *моряки* и *военные* люди, *юристы* и даже вообще *всѣ образованныя лица*.

Знакомство съ нормами международнаго права для *дипломатовъ* и *консуловъ* требуется обыкновенно ихъ отечественными законами, которые назначаютъ для этого особые экзамены для лицъ вступающихъ на эту службу. И можетъ ли быть иначе, если принять въ соображеніе, что именно международное право опредѣляетъ и охраняетъ дѣятельность названныхъ лицъ въ чужихъ краяхъ? *Дипломаты* призваны охранять интересы своего государства за границей, но рядомъ съ этимъ они обязаны также поддерживать возможно—добрыя и дружественныя сношенія ихъ отечества со страною, въ которой они пребываютъ. Иногда имъ приходится проводить и отстаивать воззрѣнія аккредитовавшаго ихъ правительства. Всѣ эти задачи для нихъ неосуществимы, если они будутъ довольствоваться только положительными законами государствъ ихъ пославшаго и принявшаго. Часто они будутъ вынуждены для своихъ отношеній и требованій опираться на международное право, которое, по своей природѣ, способно либо лучше *поддержать* эти требованія, либо *примирить* враждующіе между собою интересы разныхъ странъ. Наконецъ высокое привилегированное положеніе дипломатовъ, какъ органовъ государствъ, болѣе всего покоится на его международныхъ признаніи и защитѣ.

Основательное изученіе международнаго права и связанныхъ съ нимъ наукъ особенно необходимо для дипломатовъ нашего времени, когда они, переставъ быть исключительными органами кабинетовъ, являются выразителями *народныхъ* нуждъ и интересовъ и въ этомъ смыслѣ, по крайней мѣрѣ нравственно, должны нести отвѣтственность за свои дѣйствія предъ общественнымъ мнѣніемъ. На западѣ же имъ, какъ и прочимъ государственнымъ дѣятелямъ, нерѣдко приходится давать отчеты, даже оправданія, предъ палатами. Современная политическая жизнь ставитъ ихъ лицомъ къ лицу все предъ новыми и болѣе сложными общественными задачами, надъ рѣшеніями которыхъ они конечно не въ состояніи трудиться съ успѣхомъ, безъ основательнаго предварительнаго знакомства съ политическими науками вообще и съ международнымъ правомъ въ частности.

То же самое должно сказать о *консулахъ*, принимая только въ соображеніе особенности ихъ задачъ и положенія, сравнительно съ посланниками. Они тоже—международные органы, но не въ

области политики, а экономическихъ и торговыхъ интересовъ. Дѣятельность ихъ, въ наши дни, быстро ростетъ въ тѣхъ же направленіяхъ, въ которыхъ, какъ указано выше, развивается само международное право. Не только европейскія государства окутываютъ все новыя и отдаленнѣйшія страны сѣтью своихъ торговыхъ учрежденій и договоровъ, но и самые экономическіе интересы получаютъ въ ихъ жизни все болѣе преобладающее значеніе и рѣшеніе, отодвигая вопросы чисто-политическіе на второй планъ. Права и дѣятельность консуловъ опредѣляются, какъ извѣстно, въ издаваемыхъ правительствами консульскихъ уставахъ, но составляютъ нерѣдко предметъ консульскихъ и иныхъ конвенцій, значеніе которыхъ для консуловъ очевидно необходимо. Но и помимо этой чисто практической нужды, они, въ интересахъ порученнаго имъ дѣла, должны наравнѣ съ основательнымъ знакомствомъ съ коммерческими и экономическими науками, быть свѣдущими и по международному праву, съ которымъ дѣятельность ихъ приводитъ ихъ въ столь частыя соприкосновенія и болѣе всего именно на практикѣ. Вѣрность этого положенія еще болѣе подкрѣпляется тѣмъ, что консуламъ нерѣдко приходится, хотя на время, замѣнять дипломатическихъ агентовъ: на Востокѣ же имъ даны, какъ извѣстно, нѣкоторыя политическія преимущества и и право юрисдикціи надъ ихъ соотечественниками. Кромѣ того, консульская служба въ нѣкоторыхъ государствахъ считается, и не безъ основанія, хорошею подготовительною школою для дипломатовъ.

Моряки проводятъ бо̀льшую часть своей жизни на стихіи, которая, не подлежа власти какого либо отдѣльнаго государства, считается по преимуществу *территоріею международною*. На ней всѣ флаги равны и граждане всѣхъ государствъ пользуются равными правами, столько же въ силу вѣковыхъ обычаевъ, какъ и многочисленныхъ договоровъ. Въ своихъ встрѣчахъ и сношеніяхъ моряки, къ какой бы національности они ни принадлежали, обязаны соблюдать эти нормы, обычныя или договорныя, *морскаго международнаго права*. Въ особенности это строго требуется отъ всѣхъ служащихъ въ *военномъ флотѣ*: онъ является представителемъ на моряхъ чести и могущества своего государства и призванъ давать охрану соотечественникамъ, а равно преслѣдовать

беззаконія на моряхъ. До извѣстной степени онъ призванъ стоять на стражѣ и международныхъ нормъ, по скольку онѣ признаны государствами. Военныя суда и служащія на нихъ лица пользуются повсюду внѣземельностію. Все это возлагаетъ на моряковъ обязанность практически знать международное право.

Сказанное о морякахъ, до извѣстной степени прилагается и къ *военнымъ*. Съ того времени какъ войны сдѣлались *національными*, вслѣдствіе общей воинской повинности и по своему характеру, знаніе международнаго права для всѣхъ, входящихъ въ составъ вооруженныхъ силъ государствъ, является рѣшительною практическою обязанностью уже въ силу того простаго соображенія, что международное право болѣе всего ограждаетъ своими нормами права мирнаго населенія и, сдерживая произволъ и дикость воюющихъ, дѣйствуетъ столько же, съ другой стороны, и въ прямыхъ интересахъ послѣднихъ. Существующая въ цивилизованныхъ войскахъ строгая *дисциплина* преслѣдуетъ, съ своей стороны, ту же цѣль, но она не можетъ замѣнить *права*, а сама получаетъ отъ него подкрѣпленіе и расширеніе. Безъ международнаго права войны обратятся въ дикую рѣзню и разбой, чему всячески должны противодѣйствовать столько же побѣдители, какъ и побѣждаемые, ибо ничто такъ не разжигаетъ и не увѣковѣчиваетъ ненависть между народами, какъ безчеловѣчія на войнѣ [1]). Самыя пререканія между воюющими, по поводу настоящихъ или предполагаемыхъ нарушеній международнаго права, обостряютъ, какъ показываетъ опытъ, ихъ другъ противъ друга раздраженіе и ненависть. Все это отражается на веденіи войны и на требованіяхъ побѣдителя при заключеніи мира.

Словомъ, *вооруженныя силы*, при мощи, которою онѣ надѣлены въ наши дни, въ качествѣ органовъ принужденія, но не дикаго, а государственнаго, *подчинены нормамъ права* и спеціально *международнаго*, какъ въ своихъ столкновеніяхъ, такъ и въ сношеніяхъ со всѣмъ остальнымъ, внѣ ихъ стоящимъ, населеніемъ.

Все это не теоретическія лишь пожеланія. Правительства, давно озабоченныя ограниченіемъ войны правомъ, издали для лицъ во-

---

[1]) Извѣстенъ отвѣтъ, данный историкомъ Ранке Тьеру на его вопросъ: „съ кѣмъ вели войну нѣмцы послѣ Седана?“—„Съ Людвикомъ XIV“.

еннаго сословія краткіе, обще-доступные *учебники по праву войны*, въ видахъ именно популяризаціи его нормъ и смягченія чрезъ это самихъ военныхъ нравовъ. Учебники эти въ цѣломъ согласуются съ духомъ и съ постановленіями *брюссельской конференціи 1874 г.*, созванной по благородному почину покойнаго Императора Александра II, съ цѣлію международной кодификаціи законовъ и обычаевъ войны. Съ тою же цѣлію въ морскихъ и различныхъ военныхъ училищахъ теперь введены курсы международнаго права и таковые печатаются моряками и военными въ болѣе или менѣе популярной формѣ.

Иначе и быть не можетъ: международное право, есть, по преимуществу, продуктъ нашей современной *жизни* и окружающей насъ *дѣйствительности*: кость отъ кости нашей и плоть отъ нашей плоти! Все въ этой жизни совершающееся имѣетъ, такъ или иначе, непосредственное къ нему отношеніе и на него дѣйствіе. Отсюда чрезвычайно живой интересъ, связанный съ его изученіемъ, и безконечныя открывающіяся для него перспективы въ будущемъ!

Указаннымъ родамъ службы соотвѣтствуютъ, какъ всѣмъ извѣстно, особые *практическіе отдѣлы* международнаго права:— *посольское*, *консульское*, *морское* и *право войны*, которые выработались даже въ самостоятельныя дисциплины съ богатѣйшимъ положительнымъ матеріаломъ, но которые, само собою разумѣется, не могутъ быть должнымъ образомъ усвоены безъ знакомства съ цѣлой системой права, къ которой они принадлежатъ, какъ живыя и составныя ея части.

И образованіе *юристовъ* должно быть названо неполнымъ и отрывочнымъ, если оно не завершается изученіемъ международнаго права. Практически это сказывается особенно во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда имъ приходится имѣть дѣло съ примѣненіемъ нормъ такъ наз. *частнаго международнаго права*, быстро развивающагося въ наши дни, благодаря усиленію міроваго гражданскаго оборота. Въ качествѣ судей, адвокатовъ и т. д. юристы часто сталкиваются съ вопросами о положеніи и правахъ иностранцевъ на чужой для нихъ территоріи, объ обязательномъ значеніи состоявшихся за границею сдѣлокъ, актовъ, судебныхъ рѣшеній и пр. Имъ приходится, для веденія извѣстныхъ дѣлъ у себя, дома,

прибѣгать къ содѣйствію иностранныхъ властей, судовъ, подданныхъ,—все это требуетъ отъ нихъ знанія существующихъ на этотъ счетъ договоровъ и конвенцій, а также иностранныхъ законовъ, что немыслимо безъ нѣкоторой помощи со стороны теоріи и именно названной уже нами части международнаго права (частнаго, т. е. гражданскаго, торговаго и уголовнаго). Съ теченіемъ времени эти прямыя и непосредственныя сношенія между судами различныхъ странъ, а значитъ ихъ солидарность и общность на международной почвѣ, призваны только расширяться и крѣпнуть.

Но и не только судебныя власти, а и всякія иныя въ государствѣ, не могутъ обойтись безъ хотя нѣкотораго знакомства съ международнымъ правомъ, всякій разъ когда онѣ бываютъ призваны приводить въ исполненіе или толковать постановленія трактатовъ. А такіе случаи все чаще и чаще представляются въ наши дни.

Наконецъ знакомство съ международнымъ правомъ полезно для каждаго *образованнаго человѣка* во многихъ отношеніяхъ. Путешествія, болѣе или менѣе долгія пребыванія заграницей, чтеніе газетъ легко убѣждаютъ каждаго въ практической пользѣ такихъ свѣдѣній, которыя расширяютъ нашъ умственный горизонтъ, даютъ нашей мысли большую независимость и многосторонность и болѣе прочную охрану на практикѣ нашимъ правамъ. Сношенія не только между государствами Европы, но и между отдаленнѣйшими странами земнаго шара становятся все чаще и разнообразнѣе; потребности самой жизни стремятся къ тому, чтобы сдѣлать ихъ какъ можно болѣе *правильными* и *однообразными*, а это ведетъ къ ихъ *международному регулированію*. Газеты дѣлаютъ насъ участниками событій совершающихся повсюду; онѣ сильно вліяютъ на теченія, сказывающіяся въ общественномъ мнѣніи, которое, въ свою очередь, производитъ все болѣе замѣтныя давленія на самыя правительства. Интересъ къ международному праву особенно пробуждается среди образованнаго класса, когда на политическомъ горизонтѣ показываются какія либо «черныя точки», перешедшія, или грозящія обратиться въ «инцидентъ», въ «жгучій вопросъ», затрогивающій интересъ тѣхъ или иныхъ государствъ. Нельзя не пожелать, въ подобныхъ случаяхъ, чтобы печать и читающая ее публика относились, къ совершающимся или

обсуждаемымъ ими событіямъ, спокойнѣе, серьезнѣе, а главное безпристрастнѣе. Тутъ же статьи, которыя пишутся, и рѣчи, которыя произносятся, даже публично, отличаются, подъ личиною патріотизма, большею частію задоромъ, поверхностными сужденіями, и все это не разъясняетъ возникшія недоразумѣнія и противоположности, а, затемняя ихъ и обостряя, часто представляетъ серьезную опасность для общаго мира. *Въ интересахъ всѣхъ желательно болѣе широкое распространеніе среди образованныхъ классовъ знанія началъ международнаго права.* Этимъ въ значительной степени просвѣтится умъ населенія, умѣрятся страсти и окрѣпнетъ миръ. Разные политиканы и борзописцы менѣе будутъ имѣть возможность играть судьбами народовъ ради своихъ личныхъ и темныхъ цѣлей.

Независимо отъ всего этого, свѣдѣнія по международному праву крайне полезны для всѣхъ, изучающихъ *исторію*, эту науку, которую основательно знать долженъ бы каждый мыслящій человѣкъ. Пока изучается развѣ еще внутренняя исторія народовъ, можно, пожалуй, обойтись безъ этихъ свѣдѣній, но разъ мы перейдемъ къ исторіи внѣшней, къ ихъ взаимнымъ сношеніямъ и къ ихъ другъ на друга воздѣйствію, знакомство съ международнымъ правомъ является рѣшительно необходимымъ: лишь оно даетъ вѣрный и прочный масштабъ для оцѣнки событій не съ одной только узкой національной или партійной точки зрѣнія, а съ широкой, обще-человѣческой. Нельзя не пожалѣть, что историки часто говорятъ о международныхъ событіяхъ безъ знакомства съ принципами международнаго права. Сужденія ихъ, во всякомъ случаѣ, были бы и болѣе справедливы и болѣе научны, если бы опирались на знаніе этихъ началъ болѣе всего установляющихъ мирное сосуществованіе и преуспѣяніе народовъ.

Распространеніе здравыхъ понятій о международномъ правѣ особенно важно въ странахъ конституціонныхъ, гдѣ члены палатъ часто бываютъ вынуждены высказать свое мнѣніе при обсужденіи правительственной политики, различныхъ договоровъ и конвенцій и т. д. Имъ же приходится такъ или иначе вліять на рѣшеніе вопросовъ о войнѣ или мирѣ чрезъ разрѣшеніе военныхъ кредитовъ, увеличеніе боевыхъ силъ страны и пр. Какъ же имъ не знать международнаго права? При такомъ знаніи въ палатахъ

было бы менѣе мѣста страстямъ и невѣжеству, но члены ихъ проявили бы бо́льшую осторожность и заботливость о благѣ собственной родины и бо́льшее уваженіе къ чужимъ правамъ. Достаточно вспомнить поведеніе законодательнаго корпуса во Франціи предъ началомъ войны 1870 г. Съ какимъ непростительнымъ легкомыслiемъ большинство его одобрило тогда войну съ Пруссіею, затѣянную Наполеономъ III изъ-за пустѣйшаго предлога: кандидатуры Гоенцоллерна на испанскій престолъ [1]).

Что касается до Россіи, то нельзя не пожалѣть, что въ нашемъ обществѣ господствуютъ самыя смутныя и невѣрныя понятія о международномъ правѣ. Его смѣшиваютъ обыкновенно съ происками и интригами дипломатовъ. Имъ очень мало интересуются; наша самостоятельная по этой части литература еще только зарождается и даже въ серьезныхъ русскихъ періодическихъ журналахъ статьи по международному праву рѣдки. Вотъ почему, напротивъ не рѣдкость встрѣтить даже на ихъ страницахъ (о ежедневныхъ изданіяхъ ужъ не говорю!) самыя странныя, пристрастныя сужденія по международнымъ вопросамъ, свидѣтельствующія лишь о полномъ незнаніи ихъ самоувѣренныхъ и самодовольныхъ авторовъ. А между тѣмъ наше отечество не только великая держава, оказывающая болѣе или менѣе сильное вліяніе на судьбы Европы, но и держава міровая, поставленная на рубежѣ двухъ материковъ—Европы и Азіи, двухъ между собою враждующихъ цивилизацій, христіанской и магометанской, и при такой сложности и обширности предстоящихъ ей задачъ, граждане ея никакъ не могутъ, въ собственныхъ же интересахъ, игнорировать международное право.

[1]) Мы знаемъ, что существовали другія болѣе серьезныя основанія для этой войны, но всѣ они, съ точки зрѣнія международнаго права, не выдерживаютъ ни малѣйшей критики.